

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КРИТИКА.

ЖИВАЯ СТРУЯ.

(Вопросъ о народности въ литературѣ).

I.

Когда старая система идей смѣняется новою, то послѣдняя не сразу обыкновенно подводитъ подъ свои начала всѣ явленія жизни, современныя ей. Люди новыхъ идей накладываютъ прежде всего, конечно, на такіе вопросы жизни, которые стоятъ на первомъ планѣ и въ данную минуту болѣе всего привлекаютъ вниманіе современниковъ. Подводя подъ новыя идеи эти главные вопросы жизни, люди оставляютъ на первыхъ порахъ безъ вниманія второстепенные вопросы и относительно ихъ продолжаютъ придерживаться по привычкѣ старыхъ взглядовъ, основанныхъ на прежнихъ системахъ міросозерцанія и совершенно противорѣчащихъ новымъ идеямъ. Каждому мало-мальски развитому, мыслящему человѣку, который пережилъ не одну умственную ломку въ своей головѣ, по всей вѣроятности приходилось неожиданно находить такого рода пробѣлы въ своемъ мышленіи, наткнуться на такія противорѣчія, побѣдить которыя можно было не иначе, какъ перерѣшивши представляющійся вопросъ на основаніи тѣхъ новыхъ идей, на основаніи которыхъ другіе вопросы давно уже были рѣшены. Такіе случаи встрѣчаются не только въ мозгу отдѣльнаго человѣка, ихъ можно найти бездну въ исторіи развитія мысли каждой эпохи и всего человѣчества. Подобный случай произошелъ у насъ въ послѣднее десятилѣтіе съ вопросомъ о народности въ литературѣ.

Вопросъ этотъ естественно возникъ вслѣдствіи того, что наше образованное общество отдѣлилось отъ народной массы и создало свои особенные нравы и обычаи, свой особенный языкъ подъ вліяніемъ западной цивилизаціи. Но слѣдуетъ замѣтить, что до Гоголя и Бѣлинскаго вопросъ о народности въ литературѣ не игралъ большой роли и не шелъ далѣе очистки языка отъ иностранныхъ вліяній, выбора сюжетами произведеній крупныхъ явле-

нiй русской жизни и русской исторiи, да рѣдкихъ рабскихъ подражанiй народнымъ пѣснямъ и сказкамъ.

Въ 40-е годы вопросъ о народности въ первый разъ былъ поставленъ на философскую почву. Въ это время въ оппозицію западникамъ возникла партiя славянофиловъ, которая на своемъ знамени крупными литерами написала: народность. Замѣчательно тотъ фактъ, что обѣ партiи, на основанiи одной и той же философской системы Гегеля, рѣшили вопросъ о народности диаметрально противоположно: славянофилы оперлись въ своемъ ученин на то положенiе гегелевской философи, что каждая историческая народность есть носительница своей идеи, которую она вкладываетъ въ сокровищницу развитiя человѣчества; изъ этого они прямо вывели, что увлеченiе идеями и формами чуждыхъ народностей не только безполезное, но и положительно вредное дѣло, что оно отвлекаетъ народъ отъ развитiя тѣхъ началъ и той идеи, которыя онъ обязанъ ввести въ исторiю человѣчества; поэтому, рѣшили славянофилы, мы должны всячески удалиться отъ усвоенiя идей и началъ западной образованности, и въ то же время проповѣдывать нашими собственными народными началами, которыя мы готовимся ввести въ исторiю. Западники въ рѣшенiи вопроса о народности оперлись на то положенiе гегелизма, что народность есть не что иное, какъ индивидуализацiя общаго, форма, въ которую вкладывается общая идея человѣчества. Форма эта вырабатывается исторiею, природою, она дается намъ помимо нашего сознанiя и какихъ-либо стремленiй, такъ же какъ и личная наша физиономiя; поэтому мы не только не имѣемъ надобности стремиться къ народности, напротивъ того, намъ трудно отрѣшиться отъ нея, еслибы мы и хотѣли; примѣромъ этого можетъ служить французская литература XVIII вѣка, которая при всей своей подражательности образцамъ классической литературы, все-таки оставалась народною въ томъ смыслѣ, что выводившие ею на сцену герои болѣе были похожи на французовъ версальской атмосферы, чѣмъ на героев древности. Стремиться къ народности, говорили западники, это значитъ стремиться къ формѣ, не заботясь о содержанiи ея; напротивъ того, главное наше стремленiе должно заключаться въ томъ, чтобы вливать въ эту форму общечеловѣческое содержанiе; въ концѣ же концовъ отрѣшаясь все болѣе и болѣе отъ временныхъ и узкихъ формъ народностей, человѣчество должно стремиться къ тому, чтобы слиться въ одну общечеловѣческую форму, которая бы носила въ себѣ общечеловѣческое содержанiе.

Въ силу этихъ идей, при оцѣнѣ тѣхъ или другихъ литературныхъ произведенiй, славянофилы имѣли главною задачею рѣшать, на сколько произведенiе проникнуто началами, сродными русскому духу; западники же рѣшили разъ навсегда, что каждое произведенiе, написанное русскимъ, такъ или иначе, непременно народно, непременно выражаетъ ту или другую сторону характера русской народности; главная же забота при оцѣнѣ того

или другаго произведенія заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, какія общечеловѣческія начала заключаетъ въ себѣ оно.

Философія Гегеля потеряла свое господство надъ русскими умами въ концѣ 50-хъ годовъ. Она смѣнилась новыми началами, господствующими въ настоящее время подъ именемъ *реализма*. Подводя разные вопросы жизни подъ свои начала, реализмъ прежде всего позаботился перерѣшить вопросъ о цѣли и значеніи литературы въ жизни общества. Это было дѣломъ первой важности въ нашей жизни, обуславливаясь тѣмъ значеніемъ, которое играетъ въ нашей жизни литература. Но занявшись подведеніемъ подъ новыя условія вопроса о значеніи литературы, мы сдѣлали огромный пробѣлъ, оставивши совершенно въ сторонѣ вопросъ о народности въ литературѣ. Вопросъ этотъ, какъ мы увидимъ ниже, рѣшается самъ собою въ практической сферѣ въ силу насущной потребности рѣшить его такъ или иначе; въ теоретической же сферѣ онъ до сихъ поръ почиваетъ на старнхъ гегелианскихъ началахъ. Уже не говоря о славянофилахъ, которые, конечно, перестали бы быть и славянофилами, еслибы хотъ на одинъ шагъ подвинулись отъ философіи Гегеля, наши самые ревностные послѣдователи реализма не замѣчаютъ, что, реалисты во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, они продолжаютъ оставаться истыми гегелианцами по вопросу о народности. Когда они начнутъ толковать вамъ о томъ, что литература должна быть реальна, что, не ограничиваясь однимъ безцѣльнымъ, отвлеченнымъ созерцаніемъ прекраснаго, она должна служить жизни, отвѣчая на всѣ ея животренешущіе вопросы, попробуйте замѣтить при этомъ, что не мѣшаетъ также, чтобы она была и народною, и я убѣжденъ, что при этомъ вы встрѣтите снисходительную улыбку и замѣчаніе, въ родѣ того, что это вопросъ совершенно излишній, что существуя въ сферѣ той или другой народности, литература не можетъ не быть народною, что подобные вопросы могутъ быть оставлены славянофиламъ и всякаго рода обскурантамъ, а мыслящимъ людямъ слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы литература имѣла достойное ей содержаніе. Однимъ словомъ, вы услышите совершенно тѣ же самыя слова и выраженія, которыя говорили о народности западники 40-хъ годовъ, опираясь въ своихъ доводахъ на гегелевской философіи, доказывавшей, что народность есть не что иное, какъ индивидуализація общаго.

Между тѣмъ, какъ, если вопросъ о народности въ литературѣ мы попробуемъ пересадить на почву реализма и утилитаризма, если мы рѣшимъ его на основаніи тѣхъ новыхъ идей, которыя получили господство у насъ въ послѣдніе 10 лѣтъ, мы увидимъ, что это не только не излишній вопросъ, напротивъ того, первой важности, вопросъ о судьбѣ всей литературы; имъ обуславливается какъ истинная реальность, такъ и полезность литературы.

Реализмъ, не строя никакихъ отвлеченныхъ системъ, не гадая о сущности явленій, изучаетъ ихъ, какъ они представляются нашимъ чувствамъ, восходя отъ частнаго къ общему, отъ слу-

чайныхъ и отдѣльныхъ, къ общимъ условіямъ, называемымъ мировыми законами. Съ этой точки зрѣнія народность представляется не индивидуализаціею общаго, какъ полагають гегелизмъ, а напротивъ того, обобщеніемъ индивидуальнаго. Поселите отдѣльныя, разрозненныя племена подъ общія условія жизни, и они сольются въ одну нераздѣльную народность, какъ слились бритты, англо-саксы и нормане въ англичанъ, а поляне, древляне, сѣверяне и проч. — въ русскихъ, а съ другой стороны — поставьте отдѣльныя части общей народности въ различныя условія жизни, и народность ваша разсѣпется на отдѣльныя народности, и послѣднія будутъ группироваться опять-таки по тѣмъ общимъ условіямъ жизни, подъ которыми будетъ жить каждая. Еслибы для каждаго человѣка условія жизни были совершенно отличныя, не имѣющія ничего общаго съ условіями жизни другихъ людей, въ такомъ случаѣ, на земномъ шарѣ не было бы народностей, а была бы одна безконечная индивидуализація. Но кромѣ тѣхъ особенныхъ условій для каждаго человѣка, которыя создаютъ его личную индивидуальность, люди живутъ подъ тѣми или другими общими условіями, результатомъ которыхъ и является та или другая народность. По отношенію къ расѣ народность является, пожалуй, въ свою очередь индивидуальностью, но по отношенію къ отдѣльнымъ людямъ, она есть общность, она есть сумма тѣхъ общихъ признаковъ, которые характеризуютъ массу людей, живущихъ подъ одними и тѣми же условіями. Индивидуальная особенность, народность, раса — это три такихъ условія жизни, безъ которыхъ невозможно изучать человѣка, какъ невозможно изучать растеніе и животное, не опредѣляя рода и вида, къ которому оно принадлежитъ. Истинно реальная литература, имѣя дѣло съ изученіемъ жизни людей, конечно, только тогда и будетъ истинно реальная, когда она станетъ изучать жизнь не въ ея отвлеченныхъ сущностяхъ, а въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она проявляется. Поэзія, построенная на абстрактныхъ началахъ, совершенно пренебрегала этими условіями; она говорила: мнѣ все равно, русскаго, француза или нѣмца вывожу я на сцену; барина или крестьянина, разница между ними только формальная, сущность же человѣческая у всѣхъ у нихъ одна и та же; вотъ эту-то сущность я и имѣю въ виду. Реальный же поэтъ говоритъ: сущности человѣческой я не знаю, да мнѣ до нея нѣтъ и дѣла, а я вижу человѣка не иначе, какъ подъ вліяніемъ разныхъ условій жизни, внѣ всякихъ условій я человѣка представить себѣ не могу, и я изучаю, какъ представляется человѣкъ подъ вліяніемъ этихъ условій. Поэтъ живетъ не иначе, какъ въ средѣ того или другаго общества, именуемаго народомъ. Онъ изучаетъ индивидуальныя особенности каждаго человѣка не для того, чтобы поглотиться въ массѣ индивидуализма, но чтобы это индивидуальное подвести подъ общее; первыми обобщеніями реального поэта являются, такъ-называемые, на языкѣ эстетики, образы, типы, сюжеты,

богѣ или менѣ общіе; но развѣ можетъ истинно-реальный поэтъ остановиться на чемъ-нибудь? Развѣ есть конецъ тому процессу, который называется реальнымъ изученіемъ? Восходя все выше и выше въ своемъ изученіи, реальный поэтъ поневолѣ придетъ къ той общности, которая называется народностью. Изучить свой народъ во всѣхъ условіяхъ его жизни, во всѣхъ формахъ ея и проявленіяхъ, проникнуться всѣми его общими интересами, его радостями и страданіями — вотъ истинная задача реального поэта. Но достигнуть всего этого, вѣдь это значить сдѣлаться не только реальнымъ поэтомъ, но и народнымъ, въ самомъ широкомъ, истинномъ значеніи этого слова. Такимъ образомъ, понятія о реализмѣ въ поэзіи и о народности совершенно совпадаютъ; разница между ними только та, что реализмъ въ литературѣ есть извѣстный путь, цѣль котораго — народность.

Далѣе, если мы поставимъ вопросъ о народности въ литературѣ на почву утилитаризма, вопросъ этотъ получить въ нашихъ глазахъ еще большее значеніе. Литература должна быть полезна — для кого? Очевидно, не для двухъ, не для трехъ, не для тысячи человѣкъ, а для всего края, для всего народа, на языкѣ котораго она существуетъ. Литература мечтаетъ о завидной цѣли быть воспитательницею общества, народа, развивать неразвитыхъ, образовывать необразованныхъ, поднимать такіе вопросы жизни, которые долго не пошевельнулись бы еще въ мозгахъ большинства нашихъ соотечественниковъ безъ ея содѣйствія.

При этомъ я прошу читателя обратить вниманіе на завидную роль, которую можетъ и должна играть изящная литература въ этомъ дѣлѣ. Если мы прослѣдимъ наше собственное развитіе, оглянемся вокругъ себя наблюдательнымъ взглядомъ, мы увидимъ, что чѣмъ на низшей степени развитія стоитъ человекъ, тѣмъ большее значеніе въ развитіи его имѣетъ художественная литература. Въ жизни каждаго человѣка былъ такой періодъ, въ который чтеніе его состояло исключительно изъ произведеній художественной литературы; только на извѣстной, значительной уже степени развитія мы начинаемъ мало-помалу приступать къ чтенію книгъ серьезнаго, научнаго содержанія, и, наконецъ, доходимъ до такой степени, что послѣдніа дѣлаются главнымъ средствомъ нашего развитія, а художественныя произведенія становятся для насъ не столько предметомъ развитія, сколько наслажденія и отдыха. Большинство людей даже такъ-называемаго образованнаго слоя общества, выписывающихъ журналы, ничего не разрѣзываетъ въ этихъ журналахъ, кромѣ романовъ, повѣстей, комедій и стихотвореній. Чтѣ же сказать о литературѣ, которая, мечтая развивать неразвитыхъ, представляетъ въ своихъ произведеніяхъ такіе образы, и на такомъ языкѣ, что только нѣкоторые избранные, стоящіе на относительно очень высокой степени развитія, могутъ пользоваться ею.

Въ этомъ отношеніи литература, развивая людей развитыхъ,

образуя людей образованныхъ, очень похожа на педагогическое заведеніе, которое дѣйствовало бы такимъ образомъ: учителя вмѣсто того, чтобы давать уроки ученикамъ, ограничивались бы тѣмъ, что собирались на педагогическіе совѣты, сообщали другъ другу, что они читаютъ, о чемъ думаютъ, давали бы другъ другу полезные совѣты, читали другъ передъ другомъ блестящія пробныя лекціи, такіе учителя могли бы быть очень полезны другъ для друга; но смѣшны были бы они, еслибы при этомъ они мечтали, что они въ то же время полезны и для массы учениковъ, пребывающихъ безъ книгъ, безъ уроковъ въ неподвижномъ невѣжествѣ подъ присмотромъ грозныхъ гувернёровъ, строго-наблюдающихъ за порядкомъ и благочиніемъ въ классахъ. Такое зрѣлище представляетъ литература наша, которая въ послѣднее время постоянно твердила, и твердить, что главная ея цѣль—служеніе народу. Подобное положеніе представляется еще неестественнѣе и негнѣе, если подумать, что народъ прямымъ или косвеннымъ путемъ оплачиваетъ существованіе этой литературы, и въ замѣнъ тѣхъ капиталовъ страны, которые затрачиваются ежегодно на произведеніе и изданіе разныхъ эстетическихъ произведеній россійской литературы, получаютъ книжки, которыя служатъ предметомъ празднаго развлеченія для немногихъ избранныхъ людей. Мы могутъ сдѣлать здѣсь такое возраженіе, что капиталы тратятся не даромъ въ томъ смыслѣ, что раньше или позже народъ когда нибудь да разовьется до пониманія нашихъ изящныхъ произведеній, и тогда воспользуется тѣми продуктами, на произведеніе которыхъ тратятся теперь капиталы. Но, во-первыхъ, ручаетесь ли вы, что для народа будутъ годны всѣ тѣ изящныя произведенія, которыя выходятъ въ настоящее время? Оглянемся назадъ и посмотримъ, сколько различныхъ литературныхъ школъ пало безвозвратно, смѣнившись новыми школами? Что такое паденіе школы, какъ не сознание ея заблужденія и не выходъ изъ этого заблужденія на свѣтъ? Неужели народъ долженъ будетъ воспринимать одинъ за другимъ всѣ наши старыя грѣхи и промахи? Станетъ ли народъ читать, и если станетъ, найдетъ ли что-нибудь поучительнаго въ разныхъ произведеніяхъ нашей литературы ложно-классическихъ, романтическихъ, идеалистическихъ и проч.? Что же такое всѣ эти произведенія, какъ не капиталы, безслѣдно похороненные въ архивной пыли библіотекъ? А вовторыхъ, еслибы даже всѣ прошлыя произведенія нашей литературы были поучительны для народа, то какъ же разовьете вы его до пониманія ихъ, если не заговорите съ нимъ языкомъ, вполне понятнымъ и доступнымъ для него, если не снизойдете къ нему? Конечно, подобное снисхожденіе къ народу должно заключаться не въ видѣ уступокъ разнымъ его вѣковымъ предрассудкамъ, какъ это думаютъ поклонники народности стоголовой Москвы; передавайте народу всѣ ваши глубокія и высокія идеи, заимствованныя съ Запада, но облачайте ихъ въ такой языкъ и въ такіе образы, чтобы онѣ были

для всѣхъ равно доступны и понятны. Важное преимущество самобытной народной поэзіи заключалось именно въ томъ, что, не стоя народу ни гроша, она была сокровищемъ, изъ котораго каждый могъ черпать сколько ему угодно, и только тогда литература будетъ истинно полезна для всего края, для всего народа, когда она снова сдѣлается народною въ этомъ смыслѣ слова.

Но выставленіе подобныхъ требованій отъ литературы, какъ бы оно ни было законно и справедливо, всегда будетъ казаться воздушною мечтою, праздною, неосуществимою утопіею, въ виду современнаго состоянія литературы нашей, если не будетъ указанъ путь, идя по которому, литература могла бы выйти изъ настоящаго своего состоянія и сдѣлаться вполне народною. Вѣдь не могутъ же литераторы наши съ сегодняшняго же дня дать себѣ слово писать такъ, чтобы каждый мужикъ понималъ ихъ отъ строки до строки и интересовался ихъ произведеніями. Въ противномъ случаѣ, они должны будутъ, садясь писать, поступать такъ, какъ поступаютъ разные составители народныхъ книжекъ, то-есть напишутъ фразу и давай думать: «понятна или нѣтъ должна быть эта фраза для простолудина?» Дикая неестественность такого способа поддѣливанья подъ народность ярко выставляется въ каждой строкѣ многихъ книжекъ, написанныхъ для народа, особенно въ изданіяхъ г. Погоссаго; не менѣе смѣшна такая народность въ рѣчахъ разныхъ провинціальныхъ либераловъ, которыя произносились нѣкогда на земскихъ обѣдахъ, дававшихся въ честь слиянія сословій. Очевидно, что не такой народностью должна подарить насъ литература. Истинно-народное произведеніе просто, естественно и непроизвольно выливается изъ-подъ пера писателя; народный писатель пишетъ свои произведенія такъ же, какъ и ненародный, то-есть нисколько не заботясь о томъ, чтобы произведеніе его вышло непременно народно: съ не имѣетъ ничего инаго въ виду, какъ выразить свою мысль, чувство—и произведеніе его выходитъ народно безъ его вѣдома и желанія. Сдѣлаться народнымъ писателемъ—значитъ, выработать свой языкъ, свои поэтическіе образы, мысли и чувства такимъ образомъ, чтобы писать народною рѣчью о предметахъ, интересующихъ всѣхъ и cadaго, безъ всякихъ усилій и заботъ о популярности. Этого нельзя достигнуть никакимъ скачкомъ, никакою искусственною поддѣлкою. Это достижимо только естественнымъ путемъ. Настоящая статья могла бы, дѣйствительно, показаться праздною фантазіею, еслибы ограничилась выставленіемъ требованія, не опредѣливши того естественнаго пути, идя по которому, литература можетъ удовлетворить этому требованію. Указаніе этого естественнаго пути и составляетъ главную цѣль моей статьи. И это тѣмъ удобнѣе возможно будетъ сдѣлать безъ всякихъ гадательныхъ и произвольныхъ пригласеній съ нашей стороны писателей идти направо или налѣво, что въ самой литературѣ начались уже инстинктивно, безъ вся-

нихъ теоретическихъ указаній, попытки идти по этому пути. Попытки эти, въ ряду разныхъ заблужденій, опошлившихъ и изгадившихъ истинное стремленіе къ народности въ литературѣ, представляютъ отрадную, живую струю, которой готовится великая будущность. Вырвавшись въ 40-хъ годахъ на свѣтъ, струя эта не перестаетъ течь все шире и шире, все глубже и глубже, принимая въ себя разные притоки и готовясь обратиться въ широкую, многоводную рѣку. Дѣло наше будетъ состоять только въ томъ, чтобы опредѣлить направленіе этой струи въ настоящее время, и это направленіе само собою, безъ нашихъ усилій, уважетъ нашимъ писателямъ тотъ путь, который прямо и неуклонно можетъ повести ихъ къ народности.

II:

Славянофилы, сѣтуя на раздвоенность нашего общества, на отсутствіе всякой связи между искусственною поэзіею нашею и народною, причину такого явленія видятъ исключительно во влияніи на насъ западной образованности и рабской подражательности съ нашей стороны формамъ ея. Въ сущности же, если мы разберемъ это явленіе глубже, мы увидимъ, что есть причина болѣе дѣйствительная и общая, влияющая на всякое раздвоеніе народа — будетъ ли это раздвоеніе сопровождаться влияніемъ чуждой цивилизаціи, или совершится оно домашнимъ образомъ. Мы просимъ при этомъ припомнить, что мы сказали въ первой главѣ объ образованіи народностей: каждый разъ, когда группа людей становится въ какія нибудь особенныя условія жизни, необходимымъ слѣдствіемъ этого является образованіе народности, владѣющей особеннымъ языкомъ и создающей свою особенную литературу. Этимъ обусловливается какъ появленіе нарѣчій, говоромъ, разновидностей одного народа, такъ и то раздвоеніе, какое совершается между массою и образованнымъ классомъ. Если образованіе разлито равномерно по всему народу, и если народъ, во всей своей массѣ, увлечется подражаніемъ какой нибудь чуждой образованности, въ такомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о ненародности такого движенія: народное движеніе и есть именно такое, въ которомъ участвуютъ массы народа. Если же, напротивъ того, изъ среды народа выдѣлится группа людей, поставитъ себя совершенно въ иныя условія жизни, чѣмъ тѣ, въ которыхъ живетъ большинство населенія края, замкнется въ этихъ условіяхъ и изолируется отъ всего прочаго міра, въ такомъ случаѣ, еслибы не было никакихъ чуждыхъ влияній, группа эта все-таки создастъ свои особенныя нравы, обычаи, языкъ и литературу. Если затѣмъ на сторонѣ этой группы будутъ матеріальныя богатства и умственный досугъ — однимъ словомъ, все, что способствуетъ въ быстрому развитію образованности, то естественно, что эта группа далеко опе-

редить въ своей образованности прочіе классы народонаселенія и создасть культуру, въ которой ничего не будетъ общаго съ культурою массъ, оставленныхъ ею назади. Если до Петра Великаго наши привилегированные классы представляются вѣднѣ сходными въ своей культурѣ съ народными массами, то это потому, что они не успѣли еще создать своей собственной культуры, въ то время какъ рядомъ существовала высокая цивилизація, вліянію которой они и подчинились. Но тотъ уже фактъ, что привилегированные классы могли подчиниться вліянію западной цивилизаціи, а масса не могла, показываетъ, что эти классы представляли уже вѣкоторую особенность сравнительно съ массами, бѣольшую умственную гибкость и воспримчивость. Классы эти стояли во время Петра на томъ пути, что не будь вліянія западной образованности, они раньше или позже по своему положенію создали бы свою особенную образованность и искусственную литературу въ отличіе отъ народной поэзіи и т. п. Такого происхожденіе искусственной литературы у всѣхъ народовъ. Прослѣдите вы исторію литературы у какого хотите народа, у каждаго вы увидите два противоположныхъ движенія, соответствующія общественному строю страны. Какъ только привилегированный классъ выдѣляется изъ массы народа и замыкается въ свой кругъ, онъ быстро создаетъ искусственную литературу въ отличіе отъ народной. Литература эта, игнорируя интересы массы, выражаетъ исключительно ту жизнь, которою живетъ этотъ классъ и съ его точн зрѣнія. Но послѣ быстро процвѣтанія такая искусственная литература столь же быстро падаетъ, потому что скоро исчерпываетъ свой матеріалъ: для поэтического творчества необходимы новыя впечатлѣнія, страстность которыхъ и возбуждаетъ его; а когда жизнь смыкается въ тѣсномъ кругѣ въ неизмѣнныя формы, то поэтамъ только и остается, что вѣчно пѣть одну и ту же пѣсню, которая подъ гонецъ всѣмъ приѣдается, теряетъ свою живость и дѣлается рутинною пошлостью. Выходомъ изъ такого печальнаго состоянія литературы можетъ быть только какое-нибудь живое, народное движеніе, которое размыкаетъ заколдованный кругъ образованныхъ классовъ, обращаетъ вниманіе ихъ на интересы массы, на ея нравы, обычаи, вѣрованія и поэзію; изъ самой массы начинаютъ выходить пѣвцы ея жизни и стремленій. Тогда въ литературѣ начинается обратное движеніе отъ искусственной поэзіи къ народной, въ область ея вторгаются новыя, живыя, свѣжіе элементы, характеризующіе собою движенія народныхъ массъ. Такія два противоположныя движенія литературы и зависимость ихъ отъ общественныхъ условій мы можемъ отлично прослѣдить въ исторіи европейскихъ литературъ въ средніе вѣка. У насъ существуетъ ложное понятіе, завѣщанное намъ романтизмомъ, что будто въ средніе вѣка литература западно-европейскихъ народовъ стояла постоянно на народной почвѣ, что искусственная литература, прервавшая всякую связь съ народною, началась съ эпохи гегнаі-

сапсе. Напротивъ того мы видимъ, что если было когда либо въ среднѣ вѣка господство народной поэзіи, то въ началѣ только ихъ, во время движеній народныхъ массъ и завоеваній, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ великаго переселенія народовъ. Когда же народы успѣли устѣться на своихъ мѣстахъ и повсюду сформировались привилегированныя, рыцарскія сословія, старинныя эпическія саги и поэмы дѣлаются достояніемъ простаго народа, да предметомъ монастырской учености, занимавшей собраніемъ и переписываніемъ ихъ. Въ привилегированныхъ же классахъ быстро создается особенная, искусственная литература, извѣстная подъ именемъ провансальской или романтической. Литература эта, воспѣвая подвиги и любовь королей и рыцарей, исключительно терлась при дворахъ и въ замкахъ. Самое названіе одного изъ главныхъ родовъ этой поэзіи «sirventes» (отъ слова *servire* — служить), то-есть служебныя пѣсни, показываетъ, какое значеніе имѣла эта поэзія и какую роль играли пѣвцы ея — труверы. Отражая въ себѣ жизнь, нравы, стремленія рыцарства, ихъ войны, любовь, любезность и придворное остроуміе, ихъ схоластическую ученость, наконецъ даже и либерализмъ, заключившійся въ порицаніяхъ пороковъ Рима и духовенства, труверы въ то же время до такой степени игнорировали жизнь и стремленія народныхъ массъ, что въ своихъ пасторетахъ вмѣсто живыхъ людей изъ народа представляли идиллическихъ пастушковъ и пастушекъ. Провансальская поэзія быстро распространилась по всей Европѣ; всѣ дворы, всѣ замки начали подражать ей, подобно тому, какъ впоследствии совершилось такое же подражаніе въ образованныхъ классахъ Европы французской литературѣ XVIII вѣка. Но если въ другихъ странахъ Европы искусственность провансальской поэзіи соединялась съ подражательностью, то во Франціи и особенно въ Провансѣ она была самостоятельнымъ явленіемъ, возросшимъ на своей собственной почвѣ, и все-таки она была искусственнымъ цвѣткомъ на этой почвѣ, и послѣ пышнаго процвѣтанія должна была пасть, потому что кругъ ея былъ слишкомъ узокъ и матеріалъ ея скоро весь былъ исчерпанъ. Хватило этого матеріала всего на 200 лѣтъ (1090—1290), затѣмъ провансальская поэзія хотя и продолжала существовать, но вѣчно повторяла одно и то же въ неизмѣнныхъ формахъ, съ каждымъ вѣкомъ становясь рутиннѣе и пошлѣе. Хотя провансальскій король Рене въ XV вѣкѣ и старался всѣчески воскресить ее, но безуспѣшно; это было послѣднимъ сверканіемъ потухающей лампы. Если на своей собственной почвѣ романтизмъ такъ неудержимо палъ, то на чуждыхъ почвахъ, гдѣ ему подражали, паденіе его было еще неудержимѣе. XIV вѣкъ представляетъ самое жалкое состояніе искусственной рыцарской и придворной литературы во всѣхъ странахъ Европы. Начавшаяся вслѣдъ затѣмъ реформація служила точкою поворота для всего умственного движенія Европы. Вліяніе движенія народныхъ массъ на литературу въ эпоху реформація было такъ

сильно, что несмотря на возрождение древних искусств и увлечение ими, в литературах XIV и XV вѣковъ мы видимъ сильное и неуклонное стремление къ народности, выдвинувшее во всѣхъ странахъ Европы писателей чисто народныхъ. Вотъ какъ прекрасно характеризуетъ это движеніе въ Германіи Шерръ въ своей Всеобщей исторіи литературы :

«Потребность поэтического выраженія опять проявилась въ народѣ въ то время, когда городское сословіе и народъ получили то социальное положеніе, которое до XIV и XV столѣтія занимало исключительно дворянство; когда войны гусситскія, распри вѣмекскихъ городовъ съ разбойничьею шайкою дворянъ, славныя побѣды Дитмарсовъ на сѣверѣ и швейцарцевъ на югѣ Германіи надъ виазьями и рыцарями, пробудили демократическое сознаніе. Историческая народная пѣсня вытѣснила рыцарскую поэзію, превратившуюся въ сухое иносказаніе и панегирикъ. Такия пѣсни весело раздавались въ предѣлахъ Голштиніи и въ Альпахъ. Превосходную пѣсню сочинилъ Гальбсутеръ «von dem stritt ze Lemrach»; Фейтъ Веберъ въ концѣ XV столѣтія прославлялъ бургундскія битвы, особенно битву при Муртенѣ; къ нимъ можно присоединить и Мугейма съ его «Tellenlied». Нетолько историческая, но и вообще вся жизнь народа отпечатлѣвается въ тогдашней пѣснѣ. Крестьянинъ пѣлъ за плугомъ о страданіяхъ и радостяхъ своего угнетеннаго состоянія, мельникъ сопровождалъ стукотню своей мельницы звучною рѣкою, ратникъ сокращалъ себѣ путь воинственными гимнами и сатирическими пѣснями, юноша и дѣвушка раскрывали другъ другу сердечныя тайны въ пѣсняхъ, часто удивительно задушевныхъ; не отставали отъ нихъ монахъ и монахиня, странствующій ремесленникъ означалъ свой приходъ и уходъ въ пріивѣтственныхъ и прощальныхъ пѣсняхъ, благочестивою пѣснью пріивѣтствовалъ богомолецъ священныя мѣста, огорченный изливалъ въ пѣснѣ свою грусть, веселый — радость; охотникъ, извозчикъ, нищій, угольщикъ, рудокопъ, пастухъ, садовникъ, виноградарь — всѣ они выражали въ пѣсняхъ все, что ихъ занимало, все, что они испытали и сдѣлали въ жизни. Кѣмъ сочинены эти пѣсни — неизвѣстно, и потому о нихъ можно сказать то же, что о вѣтрѣ — мы чувствуемъ ихъ вѣваніе, но не знаемъ, откуда они приходятъ и куда уходятъ. Лимбургская хроника мѣтко характеризуетъ эту народную любовь къ пѣснѣ: она говорить о народныхъ пѣсняхъ и приводитъ такія, «которыя, ко всеобщей радости, распѣвались и насвистывались во всей Германіи». Число историческихъ народныхъ пѣсенъ необыкновенно умножилось, когда во времена реформации народная жизнь получала все большее и большее развитіе и когда политическія событія стали возбуждать къ себѣ все болѣе живой и рѣшительный интересъ и въ низшихъ сословіяхъ. Предметомъ ихъ были особенно герои и событія реформации и крестьянской войны, раздоры князей между собою и съ

императоромъ, итальянскія разпри Карла V и Франциска I и турецкія войны».

Относительно Англіи достаточно упомянуть имя такого титана, какъ Шекспиръ, чтобы ясно и наглядно видѣть, какое движеніе въ пользу народности произвела въ литературѣ реформація. Особенно заслуживаетъ вниманіе то, что въ одно время съ Шекспиромъ жилъ Бенъ-Джонсонъ, который все время воевалъ съ Шекспиромъ, будучи увлеченъ классическою драмою съ тремя единствами; самъ Шекспиръ не былъ чуждъ нѣкотораго увлеченія классицизмомъ, сказавшимся въ его драмахъ изъ греческаго и римскаго міра; но народность взяла перевѣсъ въ трагедіяхъ великаго драматурга и громы Джонсона не помѣшали Шекспиру быть въ свое время любимцемъ лондонской публики и въ особенноти простаго народа.

Во Францію реформація вторглась въ самой своей дурной формѣ кальвинизма и коснулась преимущественно привилегированныхъ классовъ, но и во Франціи новое движеніе умовъ вызвало Рабеле, который подготовилъ умы своихъ соотечественниковъ къ воспріятію реформаціонныхъ идей, осмѣявши своимъ чисто народнымъ, реальнымъ смѣхомъ все старое общество съ его ханжествомъ, схоластикой и напыщенной неестественностью романтизма.

Даже въ Испаніи, гдѣ реформація была потушена въ своихъ зачаткахъ, появился Сервантесъ — и осмѣялъ падающее рыцарство съ его истощенною литературою. Но значеніе Донъ-Кихота заключается не въ одномъ смѣхѣ, а и въ тѣхъ чисто-народныхъ элементахъ, которые внесъ Сервантесъ въ свой романъ въ оппозицію выдохшемуся содержанію романтической литературы.

III.

Совершенно такое же явленіе мы можемъ прослѣдить въ нашей жизни за послѣдніе 200 лѣтъ. Отчужденность, изолированность нашихъ образованныхъ слоевъ отъ народныхъ массъ была столь сильна, что не такъ давно еще подъ словомъ «русское общество» разумѣлось небольшое меньшинство народа, исключительно образованный слой его, а подъ словомъ «русская жизнь» — разумѣлась жизнь этого слоя. Все, что не принадлежало къ этому меньшинству, какъ будто не существовало, все это крестилось общимъ именемъ «подлой черни, грубой массы, мертвого прозябанія». Когда литература наша послѣ упадка новаго романтизма встала на реальную почву, начала изображать окружающую ее жизнь, она занялась изображеніемъ жизни и нравовъ одного образованнаго меньшинства, въ средѣ котораго вращалась. Когда появились на сцену Онегинъ, Печорины, Рудины, Лаврецкіе и проч., тогда по этимъ именамъ начали судить и умозаключать о жизни и характерѣ не только русскаго человѣка вообще, но даже всего славянскаго племени, какъ-будто все славянское племя состояло въ

то время изъ нѣсколькихъ тысячъ говорунговъ, ходившихъ во фракахъ съ палевыми перчатками и читавшихъ Гегеля отъ нечего дѣлать. Правда, иногда наши писатели 30-хъ годовъ выводили на сцену личности изъ простаго быта (Полевой, Лажечниковъ, Загоскинъ, Вельтманъ), но выводимыя ими личности или похожи были скорѣе на аркадскихъ пастуховъ и пастушекъ, чѣмъ на живыхъ людей, или это были жалкія пародіи на мужиковъ, въ которыхъ народъ продолжалъ играть ту шутовскую роль, которую игралъ онъ въ глазахъ высокообразованныхъ предковъ нашихъ XVIII ст., любившихъ похохотать надъ смѣшнымъ невѣжествомъ подлой черни.

Литература могла ограничиваться такою исключительностью до тѣхъ поръ, пока интересы меньшинства, въ средѣ котораго она вращалась, не выходили изъ его замкнутаго круга, да и въ этомъ кругу не простирались далѣе семейнаго очага. Но когда общественные интересы расширились, когда на первый планъ встали вопросы о судьбѣ той самой массы, о которой прежде рѣдко кто помышлялъ, литература не могла болѣе сосредоточиваться въ своемъ узенькомъ мірѣ, чтобы не оставить безъ отвѣта тѣ новые вопросы, которые со всѣхъ сторонъ поднялись въ обществѣ: она должна была заняться изученіемъ жизни и нравовъ той самой массы, которою прежде она такъ гнушалась. Отсюда естественно возникло стремленіе литературы къ народности, то-есть стремленіе ея къ изученію народа во всѣхъ его слояхъ, и проницаніе интересами народа.

Первыми нашими изучателями народнаго быта были, конечно, славянофилы. Но для того, чтобы изучать что-нибудь, надо приступать къ предмету изученія какъ къ сырому, невѣдомому матеріалу, безъ всякихъ предвзятыхъ теорій и предразсудковъ. Въ этомъ заключается истинный реализмъ всякаго изученія. Таковы ли были наши первые изучатели? Нѣтъ, они шли изучать народъ съ заранѣе уже, а ргіогі задуманными мнѣніями о немъ. У нихъ въ головѣ сидѣлъ идеалъ русскихъ богатырей, готовыхъ закидать шапками гнилую Европу, и они шли поучаться у гениальнаго народа неизрѣченнымъ глаголамъ. Вслѣдствіе подобныхъ, заранѣе составленныхъ предубѣжденій, они умилялись, прислушиваясь къ каждому слову, произнесенному простолюдиномъ, и повсюду открывали доблести русскаго духа и чудеса русской гениальности. Это возведеніе въ идеалъ народной жизни, какова она есть, безъ всякаго анализа ея, послужило оправданіемъ всевозможнаго обскурантизма во имя народности. Рядомъ съ дѣйствительными, реальными симпатіями и антипатіями народа, выходящими изъ различныхъ условій его быта и отношеній его къ разнымъ слоямъ общества, существуетъ у народа рядъ предразсудковъ, выработанныхъ исторіею; предразсудки эти давно отжили, народъ не особенно ими и дорожить, заявляетъ нерѣдко даже и протесты противъ нихъ, но масса продолжаетъ держаться ихъ по старой рутинѣ. Очень ча-

сто случается и такъ, что свои реальныя симпатіи или антипатіи народъ облачаетъ въ разныя ветхія формы своихъ предразсудковъ. Такъ, онъ начинаетъ особенно чествовать и чутъ не обоготворяетъ личности, которыя дѣйствовали въ его пользу; напротивъ того, въ личностяхъ ненавистныхъ ему по тому злу, которое онѣ производили, онъ видитъ или нехристей, измѣнившихъ православной вѣрѣ, или злыхъ колдуновъ, продавшихъ душу чорту, и даже антихристовъ. Въмѣсто того, чтобы отдѣлать реальныя симпатіи и антипатіи народа отъ призрачныхъ, наши поклонники народности не только что смѣшиваютъ безразлично все это въ одну массу, но очень часто въ призрачныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ именно и видятъ всю суть народныхъ стремленій. Такъ, напримѣръ, самъ по себѣ народъ нисколько не чуждается западной образованности; едва только позволяетъ достать, крестолюдинъ не прочь обзавестись разными заморскими диковинками и даже перемѣнить свою сермагу на европейскій костюмъ; народъ нисколько не чуждается иностранцевъ, если они явятся передъ нимъ не въ видѣ нѣмца-управителя фабрики или имѣнія; посмотрите вы на русскихъ матросовъ, которые зачастую братаются и пьютъ вмѣстѣ съ англійскими и голландскими матросами. Но тотъ же самый народъ недовѣрчиво смотритъ на каждаго образованнаго человѣка, носящаго европейскій костюмъ. Такая недовѣрчивость происходитъ изъ причинъ самыхъ реальныхъ, въ родѣ разныхъ сословныхъ предразсудковъ, основанныхъ на отжившемъ уже вѣрѣстномъ правѣ; нашимъ же поклонникамъ народности кажется, что народу не нравятся, зачѣмъ это образованные люди одѣваются поевропейски, читаютъ иностранныя книги, водятся съ иноземцами, зачѣмъ это они не носятъ бороды, не пьютъ квасу и не парятся на полкѣ въ банѣ, зачѣмъ они, однимъ словомъ, измѣнили русскимъ народнымъ обычаямъ и нравамъ и увлеклись иноземщиной. Если всѣ эти причины возбуждали въ народѣ вражду, то это было уже очень давно при Петрѣ I, 200 лѣтъ тому назадъ. Въ эти 200 лѣтъ масса народа если и не успѣла еще пріобрѣсти никакой образованности, то во всякомъ случаѣ хоть на одинъ куринный шагъ подвинулась впередъ сравнительно съ массой времени Петра I; подвинулась на столько, что не смотреть уже, какъ на измѣненна православной вѣрѣ, на человѣка, брѣющаго бороду и хедащаго въ сюртукѣ, и если до сихъ поръ еще сохраняются среди раскольниковъ такіе изувѣры, то сами раскольники въ большинствѣ начинаютъ смотрѣть гораздо снисходительнѣе и на иностранныя обычаи, и на самихъ иностранцевъ.

Нагляднымъ примѣромъ возведенія въ идеалъ разныхъ народныхъ предразсудковъ могутъ служить повѣсти г-жи Кохановской. Писательница эта обладаетъ какъ замѣчательнымъ талантомъ, такъ и замѣчательнымъ знаніемъ народной жизни, и тѣмъ болѣе становится жалко, что пойдя по ложной дорогѣ, она погубила свой талантъ, который могъ бы принести большую пользу. Возь-

мите вы какую угодно повѣсть ея, и рядомъ съ истинными и несомнѣнными фактами народной жизни, вы увидите пошлыхъ и вопіющихъ натяжки для того, чтобъ подвести эти факты подъ славянофильскія тенденціи и пропитать ихъ запахомъ деревеннаго маслаца.

Возьмите вы, напримѣръ, повѣсть ея «Послѣ обѣда въ гостяхъ». Въ этой повѣсти всего ярче выступаютъ передъ вами съ одной стороны факты народной жизни, а съ другой — естественный, очевидно придуманный ковецъ повѣсти для того, чтобы возвеличить такъ-называемыя народныя начала и совершить передъ нимъ земной поклонъ. Въ повѣсти этой писательница описываетъ бытъ захолустнаго города XVIII столѣтія, когда подобныя города мало еще чѣмъ отличались отъ деревень, когда по улицамъ ихъ водили еще хороводы. Героиней разсказа является Любовь Архиповна, дѣвушка съ характеромъ сильнымъ, живымъ, натура художественная, удалая. Сюжетъ разсказа самый простой и общенародный. Дѣвушка любитъ молодого, но бѣднаго горожанина Чернаго, а мать приневольиваетъ ее выходить замужъ за стараго и некрасиваго комиссіонера. Въ повѣсти вы найдете нѣсколько сценъ, въ которыхъ чрезвычайно живо и полно въ народномъ духѣ представленъ протестъ молодой жизни противъ зла и насиія, губящаго ему жизнь. Когда Любовь Архиповну повѣнчали съ противнымъ ей комиссіонеромъ, ей захотѣлось отпраздновать въ послѣдній разъ праздники молодости:

«Ну, какъ я тебѣ сказала, матушка, что сердце у меня замякло, говорила она: — такъ оно у меня и осталось. На мужа-то я не гляжу и не вижу его; матушка мнѣ какъ чужая стала, одно только то, какъ погляжу на сестеръ, кажется бы я имъ душу свою горькую отдала! Вотъ-то положили намъ на завтра выѣзжать, я говорю послѣ обѣда матушкѣ: «Утопили вы мою голову на вѣки-вѣчныя; пусть же я въ послѣдній разъ оглянусь на свою радость дѣвическую, на долю мою молодую безвозвратную. Идите себѣ, куда знаете, на вечеръ я его берите съ собою. Чтобъ его духу тутъ не было. Я хочу проститься съ своимъ».

— Что же матушка? спросила я.

— Да ничего, связала Любовь Архиповна. Она стала тихая такая да смиренная; все на меня смотреть. «Любаша моя, Любаша! Ну, Богъ съ тобой, говоритъ, дѣлай какъ знаешь! Развѣ я тебѣ худа желаю?»

— То-то до добра и довели, говорю. Берите же его съ собою, чтобъ мои глаза его хоть съ часъ мѣста не видали.

— А онъ, Любовь Архиповна? спрашивала я.

— Что онъ, матушка? Мнѣ о немъ и заботы не было. Я и звать-то его иначе не называла, какъ онъ, да ея. «Что жъ? говорю, развѣ вы все будете такъ за мною слѣдомъ ходить? Идите-себѣ съ матушкою, а я останусь своей послѣдній пиръ пировать. Вы со мною не жили, дѣвичьей моею доле и воли вы не дѣляли, ста-

до вамъ нечего и быть тутъ, какъ я стану прощаться со всѣмъ тѣмъ». Поплелся онъ, матушка, а я протопопскимъ барышнимъ велѣла сказать, чтобъ онѣ, черезъ своего философа, всѣхъ нашихъ господъ оповѣстили, что я всѣхъ жду своей послѣдній паръ пировать».

За тѣмъ слѣдуетъ сцена этого пира, поистинѣ трагическая. Страшно щемить за сердце хороводъ и пляска молодыхъ людей, въ то время, какъ у всѣхъ на сердцѣ скребли кошки: «Я подъ собою земли не слыхала», говорила Любовь Архиповна. Никогда въ жизни, ни прежде, ни послѣ она звонче не пѣвала и не плясала такъ... «Я будто и приустану немного и хороводъ словно начнетъ ослабѣвать у насъ, такъ нѣтъ! Черный, какъ залетелъ, засвистать съ стиха и громче своимъ голосомъ—и словно онъ силою какою могучею двинетъ насъ! Опять хороводъ ожилъ, встрепенулся, и я пошла съ нимъ, съ Чернымъ, въ одиночку плясать»...

— Наконецъ, матушка! сказала Любовь Архиповна: — отплысала я всѣ свои пляски и перепѣла всѣ мои пѣсни. Начала было эту послѣднюю:

Изъ-за лѣса, лѣсу темнаго
Вылетало стадо лебединое;
А другое — гусиное.
Отставала лебедушка
Прочь отъ стада лебединого,
Приставала лебедушка
Что ко стаду ко сѣрымъ гусей...

И такъ дальше: что отставала такая-то прочь отъ красныхъ дѣвушекъ и приставала она къ молодымъ молодушкамъ, я, матушка, не кончила. «Будетъ! говорю, пѣсня кончена... Попрощаемся, мои барышни, на разставаньи. Гдѣ я съ вами пѣла и плясала, тамъ вы меня обвините в отпусивте отъ себя, мои бѣлыя лебедушки!» И словно съ меня слы всю какъ рукой сняло. Прислонилась я къ дереву, чтобъ устоять мнѣ... И дерево это, я какъ сейчасъ помню, большая верба у матушки среди двора была. Мы ее сколько разъ обхватывали въ хороводъ, а еще плясать подъ нею такъ чудно было. Вѣтки большія всѣ въ днѣ, наклономъ наклонились; мы какъ двинемъ подъ нихъ хороводъ и залемся нашею пѣсней, такъ вся верба шорохомъ шорохается и сверху ищемъ осыпаетъ насъ... Такъ вотъ къ вербѣ-то своей я прислонилась, матушка, и стою, не двигаюсь. Барышни всѣ, одна по одной, подошли ко мнѣ, поцѣловали меня, и всякая мнѣ низко поклонилась. Я имъ слова никакого не молвлю, стою, поглядѣла вокругъ по одну сторону, онѣ отошли, стоятъ, мои голубочки, по другую сбились въ кучку наши добрые молодцы... «Ну-те; а вы-же что? говорю, развѣ я вамъ не хорошо пѣсни пѣвала, или не весело плясала съ вами, что, таковы молодцы, вы и попрощаться со мною не хотите?» Чер-

ный, матушка, слова не сказала, подошелъ первый ко мнѣ; наклонился, вѣрѣно поцѣловалъ меня, а слезы у него какъ брызнуть, такъ и задали мнѣ лицо... Я посмотрѣла ему вслѣдъ. «Прощай, добрый молодецъ!» говорю, онъ и не оборотился; пошелъ прямо къ воротамъ и только назадъ рукой махнулъ. Такъ они всѣ подошли ко мнѣ и попрощались со мною. Философу нашему послѣднему пришелъ чередъ. Онъ и приступилъ ко мнѣ; но видно, взглянувши на меня поближе, какъ всплеснулъ руками. «Ахъ, братцы мои, сестрицы голубочки! завопилъ голосомъ: Любовь Архиповна совсѣмъ умираетъ». — «Не бось, сказала я. Еще поживу, и пошла отъ него въ домъ».

Такъ совершилось одно изъ тѣхъ наглыхъ, гадкихъ, безчеловѣчныхъ убійствъ молодой жизни, убійствъ, которыя совершаются на каждомъ шагу совершенно безнаказанно во имя такъ-называемой старческой опытности и желанія блага своимъ дѣтямъ. Чтò же оставалось болѣе дѣлать Любовь Архиповнѣ, какъ не увядать въ тяжелой неволѣ, и чтò оставалось писательницѣ, какъ не закончить этимъ старую, а въ то же время вѣчно новую исторію. Но писательницѣ вздумалось во имя христіанскихъ идей мало того, что оправдать, чуть не обоготворить дѣло, въ которомъ нетолько и тѣни не было чего-либо христіанскаго, но и вообще человѣческаго. Далѣе она рассказываетъ, какъ Любовь Архиповна долго жила съ мужемъ, будто съ чужимъ, не говоря съ нимъ ни слова и не глядя на него, и потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего подъ обаяніемъ свѣтлаго праздника нашла на нее божественная благодать, она умилилась, залилась слезами, кинулась на шею къ мужу, обლობызала его и — полюбила!... Вотъ что называется ткнуть пальцемъ прямо въ небо! Чтò-жъ остается, прочтя повѣсть г-жи Кохановской, какъ не преклониться передъ народными началами, которыя совершаютъ такія неизреченныя чудеса!... И вотъ такія предести вы найдете въ каждой повѣсти г-жи Кохановской. И чѣмъ болѣе писала она, тѣмъ болѣе и болѣе подливала деревяннаго масла въ свои повѣсти, наконецъ дописалась она до «Недавней встрѣчи», въ которой уже нѣтъ ни образовъ, ни лицъ, а вы найдете цѣлый потокъ мистическихъ разглагольствованій о суетѣ міра сего въ духѣ «переписки съ друзьями» Гоголя. Такъ палъ талантъ по истинѣ замѣчательный, и не мудрено: даже такой геніальный талантъ, какъ Гоголь, и тотъ упалъ въ пропасть, едва вступилъ на этотъ путь.

IV.

Но, рядомъ со всѣми этими заблужденіями, опошлившими стремленіе литературы къ народности, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ уже начали появляться время отъ времени попытки изучать бытъ народный и выводить на сцену людей изъ разныхъ слоевъ общества — вполне реально, не какъ образцы величія

русскаго духа и не въ видѣ гороховыхъ шутовъ для праздно потѣхи, а какъ живыхъ людей, имѣющихъ свои достоинства и пороки, радости и страданія. Всѣ писатели того времени: Тургеневъ, Писемскій, Островскій, Григоровичъ заплатили свою послѣднюю дань этому новому направленію литературы. Правда, эти первыя попытки были крайне несовершенны; если нѣкоторые изъ нихъ и высоко стоятъ по своей внѣшней художественности, то во всякомъ случаѣ далеко не представляютъ того глубокаго знанія народной жизни, какая требуется отъ русскаго писателя. Вы видите по этимъ попыткамъ, что писатели приступаютъ къ предмету, который до тѣхъ поръ былъ совершенно чуждъ имъ и который они только-что начинаютъ изучать. Вслѣдствіе плохаго знанія жизни, которую берутся они изображать, они часто вносятъ въ нее элементы той жизни, которою сами живутъ и которая хорошо имъ знакома. Вы можете въ этомъ обвинять тѣ обстоятельства, которыя довели нашихъ писателей до такого исключительнаго, замкнутаго состоянія, что имъ былъ знакомъ одинъ только маленькій уголокъ русской жизни. Но не будемъ обвинять въ этомъ самихъ писателей; не будемъ опускаться въ виду того, что одного желанія изобразить жизнь какою-либо мале: надо еще знаніе этой жизни; а для знанія нужно изученіе, а изученіе дается только временемъ и обстоятельствами, способствующими къ этому. Не могли же писатели наши сразу, какъ только захотѣли изображать народную жизнь, такъ и начать изображать ее во всей глубинѣ. Такія чудеса могутъ быть допускаемы только по старой эстетической теоріи поэтическаго ясновидѣнія. Въ дѣйствительности чутье поэтическаго творчества простирается на столько, на сколько поэтъ изучилъ предметъ своего творчества. Если мы видимъ, что знаніе народной жизни въ нашихъ писателяхъ 40-хъ годовъ еще не глубоко, что поэтому изображенія этой жизни поверхностны и несовершенны, то во всякомъ случаѣ, мы должны быть благодарны писателямъ, сдѣлавшимъ первую попытку изображать народъ, какъ живыхъ людей, безъ излишняго поклоненія этимъ людямъ и безъ высокоумно-презрительнаго отношенія къ нимъ.

Но и въ этомъ ряду первыхъ попытокъ, мы видимъ уже степени большаго или меньшаго знанія народной жизни. Такъ напримѣръ, крестьяне въ «Запискахъ охотника» Тургенева являются болѣе похожи на дѣйствительныхъ крестьянъ, чѣмъ въ романахъ Григоровича. «Подлиповцы» Рѣшетникова, очерки Левитова, «Торговая Волга» Зарубина, «Порѣчане» Помяловскаго, «Записки изъ Мертваго дома» Ф. Достоевскаго, очерки В. Слѣцова, Н. Успенскаго, П. Якушкина, Марко-Вовчекъ и многіа другія произведенія современной литературы представляютъ новыя явленія въ этомъ родѣ. Но, несмотря на относительную вѣрность изображенія народнаго быта, всѣ упомянутыя нами произведенія далеко еще не могутъ быть названы народными. Для того, чтобы писателю сдѣлаться народнымъ

обходимы нѣкоторыя особенныя условія, о которыхъ мы теперь поговоримъ.

Когда человѣку представляется рядъ разнообразныхъ предметовъ для изученія, и человѣкъ начнетъ изучать ихъ, то очевидно, что первое вниманіе его будетъ обращено на разныя конкретныя подробности и факты, особенно выдающіеся; человѣкъ начинаетъ вглядываться въ каждый предметъ отдѣльно и каждый предметъ изучать безъ связи его съ другими предметами. Затѣмъ мало по малу начинаютъ слагаться въ умѣ человѣка первыя обобщенія и классификаціи предметовъ, и то поверхностныя, шаткія и невѣрныя. Такимъ путемъ шли всѣ науки, начиная описаніемъ конкретныхъ фактовъ. Такимъ путемъ идетъ и наше изученіе народной жизни. Всѣ наши повѣсти, рассказы, очерки, комедіи изъ народной жизни стоятъ еще на степени болѣе или менѣе конкретныхъ изображеній. Писатели наши берутъ обыкновенно какой-нибудь уголокъ народной жизни, подмѣченный въ жизни фактецъ, и этотъ фактецъ или представляютъ читателю, какъ онъ есть, въ сыромъ видѣ, или разомъ подводятъ подъ какой-нибудь общечеловѣческой законъ жизни. Такія изображенія народной жизни очень напоминаютъ описанія разныхъ отдѣльныхъ травъ въ старинныхъ лечебникахъ, безъ всякаго стремленія обобщить эти травы въ различныхъ классификаціяхъ. Чтеніе подобныхъ очерковъ для человѣка, незнакомаго съ народною жизнью, очень похоже на разсматриванье въ микроскопъ листочка въ то время, какъ не только что не имѣешь никакого понятія о родахъ и видахъ растений, но не знаешь, съ какого дерева сорванъ листокъ. Смотришь въ микроскопъ, ну и ничего, любопытно; а перестанешь смотрѣть, что останется въ головѣ? конкретный, безсвязный образъ листка, какъ онъ представлялся твоему глазу подъ микроскопомъ.

Въ этомъ отношеніи на первой ступени знанія народной жизни мы должны поставить г. Н. Успенскаго. Писатель этотъ въ своихъ очеркахъ представляетъ ту степень знанія, на которой человѣкъ не имѣетъ еще никакихъ понятій о тѣхъ предметахъ, которые онъ наблюдаетъ; передъ нимъ представляется пестрая смѣсь конкретныхъ явленій, и онъ каждое разсматриваетъ отдѣльно, безъ связи съ другими, обращая вниманіе на одну виѣшность наблюдаемыхъ предметовъ. Большинство очерковъ Г. Успенскаго представляется случайно-схваченными изъ жизни сценами и анекдотами: какой-нибудь разговоръ на постояломъ дворѣ, рассказъ проѣзжаго мужика, купца или бабы — все, что удалось г. Успенскому мелькомъ увидѣть или услышать — все это онъ такъ и передаетъ какъ оно есть. Ограничиваясь фотографическими снимками случайныхъ сценъ жизни, г. Успенскій думаетъ, можетъ быть, что онъ этимъ вполне выполнилъ задачу реализма. Но если реализмъ требуетъ, чтобы художникъ изображалъ жизнь, какъ она есть, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ

допускалъ художнику теряться въ массѣ конкретных фактовъ. Обобщать эти факты, изслѣдовать ихъ причины и слѣдствія, переходить къ общимъ условіямъ отъ частныхъ явленій — вотъ чего требуетъ реализмъ, какъ отъ науки, такъ и отъ искусства. И въ этомъ отношеніи разбираемые нами очерки стоятъ на первой ступени реальнаго изученія быта народа, такъ-сказать, передъ самымъ входомъ въ это зданіе. Впервыкъ, вы видите въ рассказахъ г. Успенскаго полное отсутствіе того, что называется типами. Когда писатели наши начинаютъ изображать хорошо извѣстный имъ и тщательно изученный бытъ образованныхъ слоевъ общества, посмотрите, какъ тщательно стараются они обрисовать различные характеры своихъ героевъ, какъ тонко анализируютъ каждый психическій оттѣнокъ, каждое бѣненіе чуть замѣтной жилочки, и все это съ цѣлю представить вамъ въ своемъ героѣ общій типъ цѣлой массы людей подобнаго рода. Посмотрите, какъ заботливо старается очертить въ своемъ рассказѣ «Саша» тотъ же г. Успенскій молодую дѣвушку, которую родители приволокиваютъ идти замужъ за немилаго, какъ слитса онъ представить трагическую борьбу, совершающуюся въ душѣ его героини. И тотъ же г. Успенскій, когда дѣло касается простаго народа, не идетъ въ своей обрисовкѣ далѣе пестрой смѣси мужиковъ и бабъ. Иногда, чтобы отличить одного героя отъ другаго, писатель одному пожалуетъ рыжую бороду, другому — черную, третьему — приставитъ какую-нибудь уродливую шишку къ виску, четвертаго — заставитъ повторять на каждой словѣ какую-нибудь поговорку — и внѣшность готова. Затѣмъ, каждый мужикъ непременно или воръ, или пьяница, или такой дуракъ, какаго и свѣтъ не производилъ; каждая баба — така ідиотка, что ума помраченіе. Далѣе слѣдуетъ подборъ фактивовъ, сценокъ и анекдотовъ для того, чтобы показать, какъ русскій мужикъ невѣжественъ, дикъ, смѣшонъ, какъ онъ загнанъ, забитъ, какъ тонетъ онъ въ грязи невѣжества, суевѣрія, пошлости. Забитость, тупоуміе, отсутствіе всякаго человѣческаго образа и подобія въ герояхъ г. Успенскаго — одураютъ васъ, когда вы читаете очерки его. Вы видите передъ собою людей, которые въ жизни своей ничѣмъ болѣе не руководствуются, какъ только грубою, скотскою чувственностью, ни къ чему не стремятся. Какъ только къ тому, чтобы нажить копейку или спустить ее въ кабакъ; да и въ этихъ стремленіяхъ, что шагъ ступать они, то сдѣлаютъ какую-нибудь невообразимую глупость.

Я вовсе далекъ отъ того, чтобы идеализировать русскаго мужика, какъ это дѣлаютъ славянофилы. Я согласенъ съ г. Успенскимъ, что мужикъ забитъ, загнанъ, что онъ невѣжественъ и суевѣренъ, но въ то же время, я убѣжденъ, что какъ бы ни былъ человѣкъ задавленъ, на какой бы низшей степени образованности онъ ни стоялъ, а все-таки онъ человѣкъ — и все-таки онъ страдаетъ, если къ Ивану относятся не почеловѣчески, и эти страданія, такъ или иначе, въ томъ или другомъ видѣ, а за-

авять себя. Если наши бабы действительно безъисходно тупоумны до такой степени, что въ нихъ и тѣни нѣтъ чего-либо человѣческаго, то какія же это женщины создали пѣсню такого рода:

Ахъ бабы не цвѣты, не морозы,
И зимой бы цвѣты разцвѣтали;
Ахъ бабы на меня не кручина,
Ни о чемъ бы то я не тужила.
Не сидѣла бы я подпершия,
Не глядѣла бы я въ чисто поле.
И я батюшкѣ говорила,
И я свѣту моему доносила,
Не давай меня батюшка замужъ,
Не давай, государь, за неровню,
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы:
Не съ хоромами жить мнѣ, съ *человѣкомъ*,
Не съ богатствомъ жить мнѣ, съ *совѣтомъ*.

Конечно, если мы будемъ искать въ жизни простаго народа однихъ такихъ элементовъ, которые создаютъ подобныя пѣсни, то мы придемъ къ той идеализаціи народнаго быта, при которой намъ только и останется, что почивать въ нѣмомъ благоговѣніи передъ народными началами; но если такая идеализація ведетъ къ застою, то съ другой стороны отрицаніе всякихъ человѣческихъ элементовъ въ простомъ быту ведетъ къ такому же обскурантизму. Во имя чего же и возможенъ протестъ противъ произвола и насилія, какъ не во имя тѣхъ человѣческихъ элементовъ, которые страдаютъ отъ этого. Вамъ не придется въ голову возмущаться противъ столяра, зачѣмъ онъ жестоко обращается съ деревомъ, долбить его долотомъ и терзаетъ на части, но вы возмущаетесь, когда истязаютъ лошадь. Въ послѣднемъ случаѣ протестъ возбуждается не тѣмъ только, что передъ вашими глазами происходитъ фактъ истязанія, а тѣмъ, что отъ этого истязанія страдаетъ существо, надъ которымъ производятъ это дѣйствіе. Страдающее существо первое заявляетъ протестъ противъ причиняемаго ему зла криками или стовами, и посредствомъ послѣднихъ передаетъ вамъ свой протестъ. Вслѣдствіе этого члены общества покровительства животныхъ требуютъ, чтобы хорошо обращались съ животными, но имъ и въ голову не придетъ протестовать, зачѣмъ лошадь не пользуется полною равноправностью со своимъ хозяиномъ. Они знаютъ, что въ лошади, когда она стоитъ въ конюшнѣ передъ стойломъ, ни разу не шевельнется горькаго чувства, что вотъ ее, которая такъ вѣрно служить хозяину, и на порогъ его комнатъ не пускаютъ; еслибы въ лошади хоть разъ могъ проявиться подобный протестъ, онъ навѣрное нашелъ бы отзывъ въ тысячѣ сердцахъ. Чѣмъ особенно поддерживало у насъ крѣпостное право, какъ не то вкоренившееся въ массѣ образованныхъ людей мнѣніе, что русскій мужикъ — почти что безсловесное, лѣнливое, пьяное животное, что

надъ нимъ можно дѣлать, что угодно, что безъ розогъ съ нимъ нельзя обходиться, что розги причиняють ему одну физическую боль и нисколько не дѣйствуютъ на его закрученную нравственную природу, что мужикъ нисколько не возмущается противъ своей неволи, что, напротивъ того, онъ пропасть бы, еслибы его освободили, какъ грудной младенецъ, брошенный на улицу. Въ чемъ же должна заключаться цѣль реальной поэзіи, какъ не въ томъ, чтобы изучивши бытъ народа, проникнуть въ сердце простаго человѣка, на самой низшей степеніи развитія уловить крикъ и протестъ противъ неправды и выставить этотъ крикъ на первый планъ, какъ доказательство того, что какъ бы ни былъ невѣжественъ мужикъ, а онъ все-таки человѣкъ; и, какъ человѣкъ, имѣеть право на всѣ человѣческія блага. Гг. Тургеневъ, Григоровичъ и Писемскій — въ былое время, когда они были еще молодые писатели, стояли на этомъ пути и старались изучать человѣческіе элементы въ быту простаго народа. Г. Успенскій, хотя и цѣлнымъ поколѣніемъ моложе ихъ, но видно сильна во всѣхъ насъ старая закваска, и горе тому писателю, который добросовѣстно, старательно не поработаетъ надъ изученіемъ народнаго быта, а будетъ дѣлать дѣло спустя рукава, и не потревожитъ своихъ высоко развитыхъ мозговъ, чтобы подумать, какъ недалеко отошелъ онъ отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, если продолжаетъ ничего не видѣть въ мужикахъ, какъ безсловесныхъ словъ и олуховъ. Немного нужно было подумать г. Успенскому, чтобы понять, какимъ обоюдоострымъ оружіемъ играетъ онъ. Прочтите рассказы «Хорошее житье», «Зимѣя», «Поросенокъ» и многіе другіе; г. Успенскій рисуетъ въ этихъ очеркахъ тупоуміе и отсутствіе всякаго здраваго смысла въ мужикахъ до того, чтобы внушить вамъ, до какого печальнаго положенія доведенъ мужикъ крѣпостнымъ правомъ. Но факты, выставленные имъ, могутъ служить отличными доказательствами необходимости того же самаго крѣпостнаго права. Приверженцы крѣпостничества на такіе именно факты и опираются въ своихъ доводахъ въ пользу крѣпостнаго права, и очерки г. Успенскаго могутъ доставить отличный матеріалъ для нихъ; они еще болѣе убѣдятся, прочитавши эти очерки, что крестьяне, предоставленные сами себѣ, погибнутъ по своей глупости, чуть-что не съѣдятъ другъ друга. «О какомъ же тутъ народномъ самоуправленіи толкуете вы, возражать гг. Катковъ или Скарятинъ, прочитавши рассказъ г. Успенскаго «Хорошее житье», коли вы сами ничего не видите въ мірской сходѣ, кромѣ взаимнаго разоренія крестьянъ посредствомъ опитія другъ друга?»

Что такіе факты существуютъ, что ихъ слѣдуетъ выставить какъ печальныя слѣдствія всей прошлой жизни нашего крестьянства, а нисколько противъ этого не спорю, но рядомъ съ этими фактами писатель обязанъ выставить факты другаго рода, которые показали бы, что самоуправленіе въ средѣ народа возможно и необходимо. Этихъ фактовъ въ очеркахъ г. Успенскаго нѣтъ

онъ ихъ не знаетъ; онъ не позаботился изучить ихъ; онъ не пошелъ даже рутиннаго, пошлаго взгляда на мужика, какъ на осиноваго чурбана, и этотъ взглядъ не замедлилъ привести г. Успенскаго къ такимъ воззрѣнiямъ, которыя ставятъ его солидарнымъ съ тенденціями «Вѣсти». Такъ въ своихъ «Деревенскихъ письмахъ» г. Успенскій вдругъ, ни съ того, ни съ сего, разражается слѣдующею тирадою:

«Вѣдность и невѣжество русскаго крестьянина привели его къ тому, что онъ очень часто не цѣнитъ своего собственнаго труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не цѣнитъ и чужаго труда; онъ не имѣетъ понятія ни о правахъ собственныхъ, ни о правахъ другой личности. *Для него условій и законовъ гражданской жизни не существуетъ!*»

Подобная тирада совершенно въ скарятинскомъ духѣ какъ-то странно бьетъ въ глаза среди статьи, въ которой вы найдете много вѣрныхъ замѣчаній и наблюдений. Появленіе подобнаго пошлаго приговора свисока только и можно объяснить, что поверхностнымъ взглядомъ на предметъ, о которомъ пишетъ писатель, недостаткомъ основательнаго изученія предмета и полнымъ отсутствіемъ хотя малѣйшаго напряженія мысли.

Неизмѣримо выше, если не по знанію народной жизни, то по таланту стоитъ г. В. Слѣпцовъ. Какъ писатель талантливый, г. В. Слѣпцовъ далекъ отъ высказыванья такихъ пошлостей, до какихъ додумывается порою г. Н. Успенскій. Отношеніе его къ народу гуманнѣе, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что въ очеркахъ его на первомъ планѣ стоитъ не безцвѣтное обличеніе пресловутаго «невѣжества мужика», какъ у г. Успенскаго, а стремленіе показать, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ къ крестьянину нашему администрація, совершенно чуждая быту его. Но въ очеркахъ г. Слѣпцова вы видите то же отсутствіе типовъ и психическаго анализа, какъ и у г. Успенскаго, то же ограниченіе случайными сценками, мелькомъ схваченными на большой дорогѣ. Отношенія администраціи къ быту крестьянина — это громадный вопросъ, который требуетъ глубокаго изученія народнаго быта; не забудьте, что этими отношеніями обусловливается не одно комическое, но и глубоко трагическое въ жизни крестьянина. Г. Слѣпцовъ ограничился одною комическою стороною; да и для характеристики этой комической стороны г. Слѣпцовъ выбираетъ постоянно такіе рѣдкіе, случайные факты, которые имѣютъ почти анекдотическій характеръ: то онъ выставитъ вамъ мужика, который заплатилъ деньги писарю, чтобъ его поскорѣе висѣли (см. Ночлеги, Р. Оч. Сд. Сл. ч. I, стр. 155), то онъ изобразитъ вамъ, въ какой просакъ попались крестьяне при встрѣчѣ высокой особы по случаю негодныхъ свиней, испугавшихъ лошадей особы (разсказъ «Свиньи»), то онъ разсмѣшитъ васъ представивши какъ крестьяне пьянаго приняли за мертваго и что изъ этого вышло («Мертвое тѣло»), — все это преисполнено комизма, вы хотите, читая повѣсти г. Слѣпцова, какъ вы не смѣялись

со время Гоголя, но да́же смѣха вы не идете. Факты, представляемые г. Слѣпцовымъ, или слишкомъ мелочны, или слишкомъ случайны, чтобы заставить васъ серьезно задуматься надъ ними, и тѣмъ болѣе, что гоняясь слишкомъ за комизмомъ, въ которомъ и безъ того нѣтъ недостатка у г. Слѣпцова, писатель выпадаетъ на каждомъ шагѣ въ явную утрировку, вслѣдствіе которой очерки еще болѣе теряютъ въ значеніи истинныхъ фактовъ народнаго быта. Такую утрировку вы видите, наприимѣръ, въ разсказѣ «Свиньи», гдѣ г. Слѣпцовъ заставляетъ крестьянъ вѣрить, что будутъ ѣздить на людяхъ, и рассказываетъ, какъ, подъ влияніемъ этихъ слуховъ, бабы начали бить горшки и всякую посуду. Что народъ, даже и не крестьянскій, а нѣсколько повыше, способенъ повѣрить всякому слуху, какъ бы онъ ни былъ нелѣпъ, это не рѣдкость, но есть всему извѣстная мѣра, и битые горшковъ бабами прибавлено писателемъ, повидимому, ни для чего иного, какъ ради краснаго словца. Столь же пересолена въ «Мертвомъ тѣлѣ» та сцена, гдѣ мужики въ первый разъ увидѣли мнимаго мертвеца воскресшимъ и явившимся къ нимъ среди дороги, и не рѣшаются подойти къ нему. Я полагаю, что крестьянамъ такъ часто приходится имѣть дѣло съ ожившимися до полусмерти, что такое явленіе не составляетъ для нихъ особой новости, они порядки эти отлично знаютъ, и первое, что естественно могло придти имъ въ голову послѣ исчезновенія покойника — это скорѣе всего то, что мнимый покойникъ былъ просто слишкомъ выпившій и потомъ отрезвившійся человѣкъ. Къ тому же писатель опустилъ тотъ простой фактъ, что суевѣрный страхъ разыгрывается преимущественно ночью и въ одиночествѣ, днемъ же и въ толпѣ онъ далеко не можетъ имѣть такого характера, какой вы видите въ разсказѣ. Комедія немного потеряла бы смѣхотворнаго эффекта, еслибы писатель выбросилъ всѣ разсужденія о ходящихъ покойникахъ, которыя тутъ вовсе не къ мѣсту, но за то выиграла бы въ естественности развитіи сюжета.

V

Г. Рѣшетниковъ, хотя не обладаетъ и половиною таланта г. Слѣпцова, но за то относится къ своему дѣлу гораздо серьезнѣе. Въ своихъ Поддиповцахъ онъ рисуетъ бытъ восточныхъ нашихъ инородцевъ. Люди эти стоятъ на степени развитія неизмѣримо низшей, чѣмъ всѣ *невѣжественные мужики* г. Успенскаго; у нихъ до сихъ поръ еще сохраняется фетишизмъ въ самой грубой его формѣ; они болѣе звѣроловы, чѣмъ земледѣльцы; они и не подозреваютъ о существованіи міра да́же ихъ деревни; имъ и въ голову не приходитъ, что они живутъ въ огромномъ и благоустроенномъ государствѣ. Г. Рѣшетниковъ не утаиваетъ ихъ дикости, невѣжества, и здѣсь вы дѣйствительно видите людей, для которыхъ, по выраженію г. Успенскаго, *успо-*

вий и законовъ гражданской жизни не существуетъ. Но выстав-
ляя цѣлый рядъ комическихъ положеній, въ которыя становятся
герои этого быта — Пила и Сысойка, г. Рѣшетниковъ не забы-
ваетъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ основными чурбанами, а съ
людьми. На самой нисшей степени развитія, на которой люди
ничѣмъ почти не отличаются отъ звѣрей, г. Рѣшетниковъ
сумѣлъ уловить тѣ человѣческія чувства и стремленія, которыя
руководятъ въ жизни и тебѣ, высокообразованный читатель. Эти
чувства и стремленія, въ связи съ обстановкою, въ которой жи-
вуть герои, и изъ которой рвутся они со всею энергіею дика-
рей, составляютъ трагическій элементъ разсказа, который, соеди-
няясь съ комическими сторонами, производитъ на васъ потрясаю-
щее впечатлѣніе: вы не можете ограничиться здѣсь однимъ
смѣхомъ, что вотъ молъ, ха, ха, ха!... какіе идиоты и уроды
существуютъ на свѣтѣ среди такихъ развитыхъ и умныхъ людей,
какъ я... Вы чувствуете глубокое сочувствіе къ этимъ уродамъ,
потому что вы видите въ нихъ братьевъ своихъ по человѣче-
ству, вамъ жалко ихъ, вы страдаете ихъ страданіями и воз-
мущаетесь за нихъ всею душою... На первыхъ страницахъ передъ
вами открывается такой бытъ, въ средѣ котораго вы, конечно, и
заподозрить не можете какихъ либо тагъ-называемыхъ возвы-
шенныхъ чувствъ, которыя составляютъ гордость нашей циви-
лизованной жизни: какія тутъ возвышенныя чувства, когда люди
только и думаютъ о томъ, какъ бы не помереть съ голоду; а
между тѣмъ посмотрите, какъ и въ этомъ быту пробиваются
истинно человѣческія отношенія, которыхъ, что грѣха таить,
не всегда можно встрѣтить и въ цивилизованномъ обществѣ.

«Гаврило Гавриловичъ Пилинь, по подлиповски Пила, былъ
человѣкъ добрый, пробойный и работащій. Онъ одинъ изъ
подлиповцевъ понялъ, что ничего не дѣлая жить нельзя; онъ
какъ нибудь старался принскать себѣ работу, сбывать ее, а глав-
ное, услужить своимъ подлиповцамъ. Назадъ тому годъ Пила
постоянно стрѣлялъ дичь и сбывалъ ее въ городѣ, хлѣбъ у него
водился; но какъ-то разъ утопилъ ружье въ рѣкѣ, самъ просту-
дился, и, пролежавъ два мѣсяца, обдѣлалъ до того, что ему съ
семействомъ привелось ѣсть кору, а коровѣ и лошадамъ вовсе
ничего было ѣсть. Оправившись послѣ болѣзни, Пила собралъ
у подлиповцевъ надѣлавшихъ вадокъ, кузовковъ и лаптей, от-
правился за больныхъ продавать въ селѣ и городѣ. У Пилы въ
городѣ былъ знакомый хозяинъ постоялаго двора и онъ черезъ
посредство его находилъ себѣ покупателей. Онъ и раньше возилъ
вещи, но теперь постоянно сталъ заставлять подлиповцевъ
работать, и для него ничего не значило съѣздить за сто верстъ;
онъ одну половину денегъ отдавалъ крестьянамъ или покупалъ
муки, а другую бралъ себѣ и покупалъ для себя пищи. Если въ
городѣ ничего не покупали, Пила шелъ собирать ради Христа
и потомъ дѣлился съ подлиповцами. Своимъ подлиповцамъ онъ
помогалъ, чѣмъ только могъ. Бывало, скажетъ подлиповцамъ: «чего

сидите, робь; а буду робить», и подлиповцы работают съ Пилою; нѣтъ Пилы—подлиповцы лежать. Скажетъ подлиповцамъ: «смотри, траву надо косить», здоровые идутъ косить, а не скажи Пила, что надо траву косить, подлиповцы не догадаются. Всѣ подлиповцы любяли Пилу и каждый спрашивалъ его совѣта или просилъ полечить, такъ-какъ Пила лечилъ больныхъ травами, хотя самъ не понималъ никакого толка въ травахъ».

Половныя отношенія въ томъ быту стоятъ повидимому почти на степеняхъ скотскаго удовлетворенія чувственности, а между тѣмъ и въ этомъ отношеніи г. Рѣшетниковъ съумѣлъ подмѣтить и очертить чисто человѣческія чувства, которыя дѣлали бы честь и самымъ высокообразованнымъ людямъ: «Наконецъ Пила и Сысойка утѣрились въ томъ, что Апроська умерла. Имъ сдѣлалось легче.

«Апроська умерла, убилась. А 2-то почто живу!» думали Пила и Сысойка.

— Пила, заруби меня! сказалъ Сысойко.

— Э!... ты заруби.

Оба они думали о смерти; но все-таки обоимъ имъ казалось страшно умереть, обоимъ хотѣлось еще пожить...

— Поѣдемъ, Сысойко!... Поѣдемъ, говорилъ Пила.

— Куда къ лѣшнямъ?

— Бурлачить.

— Убей меня!...

— Багачество... Ну, что въ деревнѣ? Апроськи нѣтъ! Эхъ, горе! Пила заплакалъ.

Сысойко изругался; въ ругани онъ хотѣлъ излить все зло на эту жизнь—на все, чего онъ не понималъ...

И вотъ пошли они изъ своей бѣдной, голодной земли искать *богачества*, а вмѣсто того нашли смерть подлѣ ярмомъ каторжнаго, неблагоприятнаго труда въ далекой сторонѣ.

Умѣть подлѣ грубою сермягою отличить бѣніе человѣческаго сердца, проникнуться радостями и горемъ простаго человѣка, перестрадать вмѣстѣ съ нимъ все его страданія—вотъ чего не достааетъ гг. Успенскому и Слѣпцову и чѣмъ богатъ г. Рѣшетниковъ.

Но, съ другой стороны, если мы будемъ разбирать рассказы г. Рѣшетникова съ точки зрѣнія того вопроса, о которомъ мы бесѣдуемъ въ этой статьѣ, то мы все-таки не можемъ назвать эти рассказы вполне народными. Они даютъ вамъ богатый этнографическій и художественный матеріалъ, но въ то же время они знакомятъ васъ съ однимъ только уголкомъ нашей жизни, да и то преимущественно не русской, а тѣхъ восточныхъ инородцевъ, которые едва только приняли русскій языкъ. Вслѣдствіе этого они далеко не имѣютъ общенароднаго значенія, интересъ ихъ частный, и, прочтя рассказы, вы все-таки не составите еще полнаго понятія не только о русской жизни вообще, но и о жизни бурлаковъ, которую они, между прочимъ, описываютъ. Для удостовѣренія въ этомъ прочтите рядомъ съ «Подлипов-

цами» «Торговую Волгу» Зарубина. Въ послѣдней вы откроете такія черты жизни бурлаковъ, которыхъ вы не найдете въ «Подлиповцахъ», и наоборотъ.

Такое же умѣнье заглядывать въ сердце мужика вы найдете во многихъ очеркахъ г. П. Якушкина. Въ объективномъ отношеніи г. Якушкинъ не идетъ далѣе конкретныхъ фактовъ, случайно подмѣченныхъ имъ въ его странствіяхъ по землѣ русской; онъ не идеализируетъ русскаго мужика, не скрываетъ его недостатковъ, но рядомъ съ ними онъ умѣетъ подмѣчать проблески и зачатки той новой жизни, которая раньше или позже можетъ разцвѣсть на русской землѣ. Возьмемъ для примѣра рассказъ «Небывальщина». Въ рассказѣ вы видите рядъ фактовъ, сообщенныхъ безъ всякихъ затѣй, какъ дорожныя наблюденія автора, въ достовѣрности которыхъ трудно усомниться.

Приставши къ партіи мужиковъ, ѣхавшихъ совершать воровскую порубку казеннаго лѣса, писатель началъ, конечно, упрекать ихъ, зачѣмъ они занимаютъ воровствомъ, и вотъ какія разсужденія услышалъ онъ отъ нихъ:

— Ты должонъ возчувствовать! заговорилъ убѣдительно старикъ, одинъ изъ обоза: — ты это возчувствуй: кто работаетъ, тому за работу, за его потъ значить, и плата идетъ. Вотъ, къ примѣру, пахательбу взять: ты вспахалъ, взборонилъ, засѣялъ — опять запахалъ; ждешь цѣлый годъ, что Господь зародитъ. Зародитъ Господь — не вотъ возьмешь!... А ты ее въ самое горячее времечко сожни, сважи, да въ конны положи... Вотъ ежели тѣ конны взять — кража!... За эту кражу передъ Богомъ отвѣтъ должонъ будешь держать!... Для того должонъ будешь отвѣтъ держать, что здѣсь, на той коннѣ, потъ, кровь человѣчья лежить... Я работалъ, трудился, ночей не доспалъ, а ты взялъ ее, матушку, и поднялъ! Мои слезы на тебѣ вышутся!... А лѣсъ, ты говоришь? Кто его сажалъ? Богъ. Кто его берегъ, растилъ? Все-таки Богъ!... Такъ ты не можешь говорить, что твой лѣсъ: лѣсъ божіи!... Спроси у стариковъ: «Чей лѣсъ?»—«Лѣсъ въѣзжіи!» скажутъ тебѣ тѣ старики.

Если смотрѣть съ точки зрѣнія г. Н. Успенскаго, то въ подобномъ разсужденіи вы, конечно, ничего не увидите, кромѣ незнанія невѣжественными мужиками никакихъ условій гражданской жизни. Если же вы вдумаетесь въ него поглубже, васъ поразитъ логика его. Откуда взялась эта логика? Является ли она необходимымъ, естественнымъ результатомъ трудовой жизни, на какой бы низшей степени развитія ни стояла эта жизнь? есть ли это рѣдкіе проблески мысли немногихъ умовъ? Фактъ, представленный г. Якушкинымъ, слишкомъ конкретенъ; писатель самъ смотритъ на него, какъ на нѣчто необычайное, какъ на небывальщину. Его поразила встрѣча съ такимъ фактомъ, какъ съ чѣмъ-то такимъ, чего доселѣ онъ не встрѣчалъ въ народномъ быту. Слѣдовательно, на основаніи одного этого факта

трудно дѣлать какіе-либо выводы. Но за то все это отлично показываетъ, какъ мало извѣстна намъ народная жизнь. Очень можетъ быть, что такіе факты нерѣдки въ жизни народа; очень можетъ быть, что вся путаница, которая случается иногда при сношеніяхъ народа съ другими слоями общества, на половину обуславливается невѣжествомъ народа, на половину происходитъ и отъ той логики въ словахъ старика при порубѣ дѣса, которая такъ непохожа на официальную логику. Все это мы говоримъ только *можетъ быть*, потому что наши изучатели народнаго быта до сихъ поръ еще не привели насъ ни къ какимъ положительнымъ фактамъ и выводамъ относительно предмета ихъ изученія. Намъ остается только пожимать плечами, читая рядомъ съ очерками, въ которыхъ народъ представленъ неизмѣющимъ образомъ и подобія человѣческаго, рассказы въ родѣ «Небывальщина». Съ одной стороны, тупоумныя бабы, которыя сами про себя говорятъ: «глупы, бабушка, глупы!», а съ другой — величественный типъ дѣвушки, прощающей своему любовнику его измѣну, и обращающейся изъ любовницы въ его сестру родную (см. «Небывальщина». «Совр.» т. СХІ отд. I, стр. 20).

На болѣе высшей ступени знанія народной жизни мы должны поставить рассказы г. Левитова. У г. Левитова, какъ у г. Рѣшетникова, вы не найдете ни одного рассказа, въ которомъ бы жизнь народа представлялась съ одной какой нибудь исключительной стороны, со стороны одного невѣжества, или со стороны однѣхъ свѣтлыхъ сторонъ жизни народа. Мракъ невѣжества и суевѣрія, отношенія бѣдности къ богатству, ума къ глупости, силы къ безсилію, подлости и растряннѣ въ молодымъ побѣгамъ всего живаго, здороваго, свѣтлаго, подобно тому, какъ это все чудно переплетается въ непрестанной борьбѣ въ жизни, въ такой же зависимости стоитъ это все въ рассказахъ г. Левитова. Въ каждомъ рассказѣ вы увидите такимъ образомъ жизнь съ разныхъ ея сторонъ, какъ она есть. Во то же время вы встрѣтите въ этихъ рассказахъ не безразлично-пестренскихъ мужичковъ съ бородками, а рѣзко очерченные типы съ глубокимъ психическимъ анализомъ ихъ. Возьмите вы, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ обработанныхъ рассказовъ «Выселки». Въ этомъ рассказѣ писатель представляетъ вамъ такіе два типа, которые, по ширинѣ обобщенія, можно назвать не только общенародными, но и общечеловѣческими. Съ одной стороны представляется вамъ типъ Ивана. Это натура до крайности деликатная, вроткая, миролюбивая, любящая. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые, сколько бы ихъ ни притѣсняли, какъ бы они ни разочаровывались на каждомъ шагу, не перестаютъ любить всѣхъ и каждого братскою любовью. Мрачными, затаенными мизантропами такіа личности сдѣлаться не могутъ. Величайшее достоинство, служащее величайшимъ ихъ недостаткомъ въ настоящее время, заключается въ томъ, что они не имѣютъ острыхъ зубовъ, чтобы отгрызаться; вслѣдствіе готовности помочь всѣмъ

и каждому, неопоматности и беззащитности съ ихъ стороны, люди эксплуатируютъ ихъ на каждомъ шагу совершенно безнаказанно, и вся жизнь этихъ несчастныхъ пасынковъ природы обращается въ безысходное мученіе. Страннѣе всего то, что, не имѣя силъ отражать нападенія всякаго рода, люди эти обладаютъ иногда невѣроятною силою мужественно сносить всѣ гоненія судьбы и людей, нимало не падаѣ духомъ.

Таковъ Иванъ въ «Выселкахъ». Отецъ его прослылъ колдуномъ, вѣроатно, за то, что былъ умнѣ всѣхъ на селѣ. Прозвище это перешло и на сына. Ивану нельзя было выйти на улицу, чтобы онъ не былъ встрѣченъ градомъ насмѣшекъ и всякаго рода оскорбленій:

«Насмѣшки, снѣжные комья безъ счета сыпались въ Иванову спину; а онъ, бывало, какъ раненный медвѣдь, сгорбится весь и развалистой рысью улепетываетъ отъ толпы, не допытываясь у нея, за что она каждый разъ преслѣдуетъ его, какъ хищнаго волка. Только, бывало, когда уже черезчуръ невтерпѣжъ приходились ему потѣхи односельцевъ, останавливался онъ передъ толпой и толковалъ ей:

— Братцы! Грѣхъ вамъ передъ Господомъ Богомъ будетъ, что вы на крещенаго человѣка, какъ на бѣшеную собаку улюлюкаете!

— Ахъ ты колдунъ-чортъ! орала на него толпа. — Туда же про Господа Бога толкуетъ! И снѣжные комья сыпались на него все гуще и гуще.

Жена упрекала Ивана за его беззащитность.

— Что это у тебя, Иванъ, заговаривала съ нимъ жена, когда онъ, облаанный отъ волосъ до паты, приходилъ съ улицы въ избу: — ровно и словъ никакихъ для твоихъ обидчиковъ нѣтъ! Ты бы, чѣмъ мамлеть-то съ ними: тае да подтае, да энтого-тае, отлапиль бы какого нибудь идола, али бы въ правленьи можаловался. Они, можетъ, помирнѣе бы стали.

«Посмотрить Иванъ на жену, послѣ этихъ словъ, — во всѣ смиренныя глаза свои поглядить, ровно бы дивится ея великой неправдѣ и скажетъ:

— Любушка ты моя! Никогда я на словахъ-то рѣчь не былъ. Не сговору я съ ними, пожалуй, на словахъ-то: а ужъ лучше стану я лаской съ ними обращаться. Тихостью я, можетъ, поалау какъ-нибудь съ ними, тихостью...

«И такъ-то онъ славно тихостью своею ладилъ съ сосѣдами, что они, бывало, на сходѣ только и дѣла дѣлають, что вино съ него опиваютъ, да на него-же каждый день то подводу, то вазу-нибудь другую мирскую повннность навалить ухитраются».

Наконецъ и Иванъ не выдержалъ, но весь протестъ его противъ людскихъ неправдъ ограничился тѣмъ, что онъ ушелъ отъ людей со своимъ семействомъ въ выселокъ.

Совершенно противоположною личностью является передъ нами Петръ Крутой. Человѣкъ практическій, дѣятельный, энерги-

ческий, онъ въ то же время весь вылился въ одинъ вопиющій протестъ противъ людей и противъ себя. Куда ни бросаетъ его судьба, онъ нигдѣ не можетъ ужиться съ людьми; отовсюду уносятся онъ мрачную ненависть къ нимъ и ожесточеніе. Уже съ дѣтства успѣлъ онъ ожесточиться противъ людей. Какъ ребенокъ, щедро одаренный богатыми силами, онъ въ младенчества уже обращалъ на себя всеобщее вниманіе, какъ нѣчто необыкновенное, а такъ-какъ народъ по своему умозерданію привыкъ во всемъ необыкновенномъ видѣть сверхъестественное, то въ деревнѣ и сложилось убѣжденіе, что лѣпшій подмѣнилъ ребенка, подсунувъ матери своего лѣшенка.

«Сталъ я лишь человѣческую рѣчь понимать, какъ ужъ люди меня отъ себя гнать начали. Зашушукали они около меня—и свои, и чужіе, кивками да морганьемъ съ боязнію стали на меня показывать, вотъ-де, онъ, ребята, обиженокъ-то! Глядите, какіе они—лѣшвы дѣтениши-то бываютъ... Примѣчайте!.. Къ ребятамъ, бывало, въ какую-нибудь игру присунешься, тоже отцы ихъ и матери за руку меня возьмутъ и отведутъ отъ нихъ: Петруша, поди-ка, мать тебя велѣла домой послать, гостинцевъ она тебѣ добыла. Ласково такъ говорятъ, потому обиженка боится всѣ. Пойду я, бывало, отъ ребятокъ, а мужикъ какой отгонитъ меня, сейчасъ-же на нихъ закричитъ: — я вамъ задамъ, пострѣлы, какъ съ обижнкомъ водиться! Еще пуще лупилъ я свои отъ матери большія бѣлмы, глядя и раздумывая, отчего это ребяташки не играютъ со мной, а чего больше про меня другъ съ другомъ шепчутся все? И повадился я тутъ, братецъ ты мой, въ лѣсъ ходить; зайду, бывало, въ тущобу какую лѣсную и сижу тамъ, и такъ-то мнѣ это въ привычку вошло, что я въ лѣсу ужъ и заночевывать сталъ, потому глядишь тамъ, думаешь, думаешь—и никто тебѣ ни въ чемъ не мѣшаетъ, никто не сердитъ. Много я въ томъ лѣсу ребячьихъ слезъ разронялъ, не то, чтобъ отъ обиды какой,—не зналъ я тогда обидъ,—а такъ, на душѣ было ужъ очень спокойно».

«Такъ и выросъ я, Федоръ Протаснчъ, въ лѣсу дубомъ какимъ-то безчувственнымъ. Глядишь иной разъ на людское горе, и смѣешься втихомолку: что, молъ, каково? А чаще того хочется тебѣ каждому божьему человѣку добрыя слова цѣлый день толковать, горькому житью всею кровью своею помочь хочется, а морда-то у меня, не въ мою силу, сама на бокъ гнется, глаза-то насунятся, да вмѣсто слезъ, по старинному, въ носъ и упрутся. Упрутся, и думаешь тогда: ничего, молъ, переждешь! Я же въдѣжду. Такъ вотъ, солдатъ, какая моя неволя!»

Изъ этихъ выдержекъ вы можете заключить, какъ рѣзко очерчивается и анализируетъ г. Левитовъ типы своихъ героевъ. Эти выдержки опредѣляютъ въ то же время весь характеръ разсказовъ г. Левитова: вы видите, что г. Левитовъ изображаетъ ту же грубость нравовъ, невѣжество и суевѣріе крестьянъ, что и г. Успенскій. Эти мрачныя стороны жизни простаго народа

представляются въ очеркахъ г. Левитова еще рѣзче, чѣмъ у г. Успенскаго: можно-ли представить себѣ что-нибудь безчеловѣчнѣе среди, въ которой закидываютъ на улицѣ грязью челоуѣва, не имѣющаго духу отплатить за это тухманкою; что можетъ быть ужаснѣе и нелѣпнѣе того диваго суевѣрія, которое заставляетъ родителей въ ребѣнѣтѣ своемъ воображать подиѣвеннаго лѣшенка. Но г. Левитовъ выставляетъ все это не для того только, чтобы показать, какіе смѣшные пассажики выходятъ иногда на свѣтѣ. Въ грубости нравовъ и суевѣрія болѣе ужаснаго, чѣмъ смѣшнаго. Еслибы суевѣріе влекло за собою только такіа послѣдствія, что мужики подавали иногда просьбы становымъ о летучемъ змѣѣ, безпокоящемъ ихъ по ночамъ (см. разсказъ г. Н. Успенскаго — Змѣѣ), въ такомъ случаѣ нечего было бы особенно и хлопотать о такой ничтожности: но суевѣріе имѣетъ болѣе серьезное вліяніе на жизнь народа: оно обуславливаетъ собою много бѣдъ, которыя терпятъ темный челоуѣкъ въ своей, и безъ того недостойной жизни, и великое преимущество г. Левитова передъ г. Н. Успенскимъ заключается въ томъ, что, не ограничиваясь однимъ смѣхомъ надъ невѣжествомъ и суевѣріемъ, онъ старается раскрыть передъ вами, какъ терпятъ и гибнутъ отъ этихъ мрачныхъ сторонъ народной жизни молодыя, свѣжіа силы, рвущіяся на широкій просторъ.

Но представляя замѣчательно-глубокое знаніе народной жизни, очерки г. Левитова сильно страдаютъ отъ полнаго отсутствія обработки: писатель представляетъ вамъ факты своего знанія отрывочно, по ключамъ, размазывая ихъ безконечными описаніями природы, приправленными сентиментальными восклицаніями о величественной красотѣ южныхъ степей. Ни одного почти разсказа не найдете вы, который былъ бы вполне законченнымъ цѣлымъ; вы видите постоянное стремленіе со стороны писателя совдаты что-то такое изъ тѣхъ богатыхъ матеріаловъ, которыми онъ владѣетъ, и въ то же время, какое-то странное безсиліе.

VI.

Въ ряду нашихъ народныхъ писателей, видное мѣсто занимаетъ г. Островскій. Его комедіи, въ свою очередь, страдаютъ односторонностью. Онъ ограничился изученіемъ одной только стороны быта народа: нравовъ нашего купечества; да и въ этомъ ограниченномъ кружкѣ онъ не идетъ далѣе анализа семейныхъ отношеній. Это ограниченіе однимъ анализомъ семьи есть печатъ, наложенная на комедіи г. Островскаго тѣмъ временемъ, въ которое протекли лучшіе годы писателя. Въ 40-ые и 50-ые годы, когда общественной жизни, общественныхъ интересовъ не было почти никакихъ, когда все было заперто въ тѣсный кругъ семейной жизни, наши писатели главное свое вниманіе обращали на анализъ семейныхъ началъ. Это же самое мы видимъ и въ комедіяхъ г. Островскаго. Ограни-

чивши свое творчество анализомъ семейныхъ началъ, г. Островскій и въ этомъ кругѣ сдѣлалъ для себя новое ограниченіе: онъ избралъ предметомъ своихъ комедій проявленіе семейнаго самодурства и различныя страданія, которыя терпятъ домохозяйцы отъ Титовъ Титычей и Кабанихъ. Такое узкое ограниченіе рамокъ творчества ничему не мѣшаетъ въ драмахъ, въ родѣ «Грозы» или «Свои люди сочтемся», но когда г. Островскій слится втиснуть въ эти же самыя рамки сюжетъ народнаго разсказа, обнимающій жизнь невмѣримо шире и глубже, тогда узкость рамокъ дѣлается большимъ недостаткомъ, бросается въ глаза и драма обращается въ пародію. Я говорю о драмѣ «Не такъ живи, какъ хочется». Эта драма основана на народномъ разсказѣ, замѣчательномъ по своей глубинѣ. Въ народѣ ходятъ нѣсколько такихъ разсказовъ, легендъ и пѣсней, которыя ждутъ своего Гёте для созданія русскаго Фауста. Основаніемъ этихъ разсказовъ служитъ одинъ изъ роковыхъ вопросовъ жизни: вопросъ о невозможности удовлетвориться узкою сферою одной семейной жизни и о стремленіи человѣка вырваться изъ этой сферы на просторъ. Стремленіе это пристраивается изъ того свойства человѣческой природы, что каждый элементъ его, самый необходимый, можетъ быть обращенъ во зло и гибель человѣка, если онъ возьметъ перевѣсъ надъ всѣми прочими и человѣкъ будетъ стараться всю свою природу втиснуть въ этотъ преобладающій элементъ. Семейное начало составляетъ необходимый элементъ въ жизни человѣка, но сокните всю жизнь человѣка въ тѣсную сферу семейнаго круга, лишите въ то же время человѣка всякой общественной дѣятельности, въ которой былъ бы выходъ честолюбію, самолюбію, чувству братства — и та же семья, которая могла бы въ другомъ случаѣ служить отрадою для человѣка, сдѣлается его тюрьмою. Въ этомъ отношеніи, положительно можно сказать, что только тотъ человѣкъ можетъ быть хорошимъ, надежнымъ семьяниномъ, для котораго семья не составляетъ исключительнаго интереса жизни, который, сверхъ того, имѣетъ другіе интересы высшіе, всеобъемлющіе. Если же такихъ интересовъ у человѣка нѣтъ, то положеніе его въ семьѣ становится крайне неустойчивымъ; хотя семейныя наклонности его будутъ и удовлетворены, но у него останется дѣлшій рядъ неудовлетворенныхъ страстей, которыя будутъ искать своего выхода; человѣкъ постоянно будетъ чувствовать въ своей груди какого-то демона, который будетъ тянуть его изъ семейнаго круга на какой-то широкій просторъ, на что-то праздничное, шумное, полное жизни и движенія... Вотъ вслѣдствіе такого стремленія такъ часты бывають случаи, что живетъ человѣкъ вполне, повидному, счастливо въ своемъ семейномъ кругу, наслаждается жизнью чуть что не райскою, и вдругъ этотъ семейный рай дѣлается для него мрачною тюрьмою, ему становится противно смотрѣть на стѣны своего дома, и онъ пускается въ какой-нибудь дикій разгулъ, или бросается

въ новую любовь, въ которой надѣется найти то, чего не нашелъ въ старой. Народъ нашъ, на каждомъ шагѣ встрѣчаясь съ явленіями подобнаго рода, сложилъ про нихъ множество разсказовъ. Героевъ этихъ разсказовъ постоянно является удалой молодецъ, который не хочетъ поступать по старымъ отеческимъ законамъ, но хочетъ повиноваться своимъ родителямъ, онъ стремится жить по своей буйной волюшкѣ. И вотъ, пренебрегши всѣми родительскими увѣщаніями, безъ родительскаго благословенія, идетъ, куда глаза глядятъ, искать лучшей доли. Таковъ купеческій сынокъ Савва Грудницъ: промотавши отцовскія деньги, прельстивши жену своего благодѣтеля, онъ продаетъ потомъ душу чорту и вмѣстѣ съ нимъ, подобно Фаусту, летаетъ по свѣту на коврѣ-самолетѣ, ища различныхъ приключеній. Таковъ герой повѣсти о Горѣ-влохастіи, путешествующій по бѣлому свѣту, вмѣстѣ съ нуждою. Проведа своего героя савозъ диній разгулъ вырвавшихся на волю страстей, народъ приводилъ героя въ концу разсказа къ раскаянію; но это раскаяніе является обыкновенно не въ видѣ возвращенія подъ мирный семейный кровъ: герой находитъ убѣжище въ монастырѣ. Мы просимъ читателя вдуматься въ философію этого исхода. Монастырь, въ глазахъ народа, постоянно служитъ единственнымъ выходомъ изъ узкой сферы семьи, и въ то же время, общественнымъ служеніемъ, выше, идеальнѣе котораго народъ не можетъ себя представить. Какого-нибудь другаго выхода, кромѣ монастыря, раскольничьяго скита, пустыни или страннической жизни по святнямъ въ глазахъ народа нѣтъ. Вотъ въ этомъ отношеніи было бы весьма полезно воспользоваться этимъ богатымъ сюжетомъ, столь знакомымъ народу, для того, чтобы освѣтить его анализомъ тѣхъ новыхъ идей, которыя внесены въ наше общество, и представить новый выходъ для героя, сообразно потребностямъ нашего времени. Посмотрите теперь, что сдѣлалъ писатель, втиснувши этотъ сюжетъ въ узкія рамки вопроса о семейномъ самодурствѣ. Герой этого разсказа, Петръ Ильичъ, купеческій сынъ, встрѣтилъ на пути, на постояломъ дворѣ, мѣщанскую дѣвушку, влюбился въ нее, увезъ ее отъ родителей и женился на ней. Что, казалось, могло помѣшать семейному счастью его: молоденькая, хорошенькая жена души въ немъ не чаяла, добра было у него вдоволь; но вдругъ все это — и жена, и добро, и домъ цѣлый — опостылѣли ему. Онъ бросился въ буйный кутежъ, полюбилъ Грушу, дочь содержательницы постоялаго двора и, чтобы склонить ее на любовь, вздумалъ сказываться холостымъ; когда потомъ истина вышла наружу, онъ вознамѣрился убить свою жену.

Вы посмотрите, какою это прекрасный сюжетъ для трагедіи. Какую глубокую трагическую коллизію могъ бы представить писатель, еслибы онъ выставилъ человѣка по натурѣ своей съ хорошими задатками; человѣкъ этотъ искренно стремится сдѣлаться добрымъ семьяниномъ, но онъ несчастенъ тѣмъ, что въ

грудн его кнпять богатнн силн, которнн рвутса на просторъ. Онъ самъ не радъ тѣмъ бурннмъ страстамъ, которнн поднмаются въ немъ; онъ провлннаетъ себя, борется противъ ннхъ, но онъ, какъ потокъ вырвавшійся на волю, увлекають его и првдвать къ цѣлому ряду преступленій за немѣннмъ ннкакого другаго разузнаго выхода для этнхъ страстей. Передъ вамн былъ бы злодѣй, но вы сочувствовали бы этому злодѣю, вы бы глубоко задумались надъ его судьбою. И что же сдѣлалъ г. Островскій изъ этого сюжета чисто шекспировскаго? Онъ представилъ въ лицѣ Петра Ильича дикаго самодура, который кутить, напнваетъ женѣ, чуть не губить дѣвушку—такъ зря, изъ одной самодурской прихоти, а подъ конецъ приходитъ къ слѣдующему показанію:

Петръ (*озирается*). Кто тутъ? Что вы за люди? Жена? Живые вы люди, или нѣтъ? Скажите мнѣ ради-бога.

Даша *. Что съ тобой?

Петръ. Не стою я, океанный, чтобы глядѣть-то на всѣ! Да и не глядѣлъ бы, кабы не чужія молитвы. Простите меня, добрые люди, ради Господа! (*становится на колѣни*).

Агафонъ ** (*подымая ея*). Что ты, что ты? Петръ Ильичъ! Встань, встань!

Петръ. Я вѣдь грѣшникъ, злой грѣшникъ! Ужь я покляусь передъ вами, легче мнѣ будетъ на душѣ моей. Вотъ до чего гульба-то доводитъ: я вѣдь хотѣлъ жену убить... безвнвно убить хотѣлъ. Взялъ я тутъ, пьяный-то, ножикъ, да и нду будто за нею. Мерещатса мнѣ разннн диковнны, да люди какіе-то незнакомые, я за ннми... я за ннми... Спрашиваю: гдѣ жена? Она смѣются, да куда-то показывають. Я все шель, шель... вдругъ гдѣ-то волоколь... Я только-что поднзалъ руку, гляжу, я на самомъ-то юру Москвы-рѣнн стою надъ прорубомъ. Вспомннть-то страшно! И теперь морозъ по кожѣ подираетъ! Жизнь-то моя, прошлая, распутная-то, вся вотъ, какъ на ладонѣ, передо мною! Натерпѣлся я страху, да и подѣломъ! Вспомннлъ я тутъ и батюшкнны слова, что хожу я злодѣй надъ пропастью. Вотъ онн, правднвын-то слова. Такъ оно и вышло! Ужь не забыть мнѣ этой ночи, кажется, до самаго гроба! Батюшка, матушка, поживите у насъ!.. Помогите мнѣ, добрые люди, замолнть этотъ грѣхъ... Да и къ бабушкѣ-то сходите, скажите ему... самъ-то я не смѣю ндти.

Всѣ. Помогн тебѣ Богъ!

— Агафонъ. Что, дочка, говорнлъ я тебѣ!

— Даша (*бросаясь къ Петру*). Годубчикъ, Петръ Ильичъ!

— Такое окончаніе драмы првдаетъ ей характеръ мѣщанской узенькой моралн. Послѣ трогательнаго исправленія сбывшагося съ пути

* Жена Петра.

** Отецъ Дашн.

героя и нравоучительнаго поученія передъ закрытіемъ зававѣси, зрителю только и остается, что сердобольво вдохнуть и отправляться домой съ умилненнымъ сердцемъ и обѣщаніемъ никогда отъ жены на сторонѣ не гулять и родителямъ повиноваться. Очень можетъ быть, что народный разсказъ, послужившій г. Островскому сюжетомъ драмы, имѣеть такое же заключеніе. Но писатель не долженъ былъ упускать изъ виду, что народныя легенды составляютъ общее достояніе всего народа; каждый разсказчикъ по своему разумнію можетъ передѣлывать легенду, сообщать ей болѣе или менѣе широкое значеніе, и извлекать изъ нея мораль, соответствующую большей или меньшей узкости своего мышленія. Вслѣдствіе этого каждая легенда, сохраняя основной мотивъ, ходитъ по народу въ различныхъ варьяціяхъ, при чемъ очень часто истинный, глубокой смыслъ легенды въ устахъ скудоумныхъ разсказчиковъ совершенно теряется и легенда пропитывается какою нибудь мелкою, ходячею моралью. Художникъ, желающій основать свое произведеніе на народной легендѣ, очевидно долженъ взять эту легенду въ ея чистомъ и глубоко-философскомъ видѣ. Хорошо былъ бы Гёте, еслибы онъ, не вдумавшись въ философскій смыслъ легенды о Фаустѣ, изобразилъ бы въ лицѣ Фауста такъ себѣ кутилу и весельчака, продающаго свою душу Мефистофелю рода простаго желанія веселья кутнуть въ своей жизни; а вѣдь въ устахъ многихъ разсказчиковъ легенда о Фаустѣ не имѣеть другаго значенія, кромѣ узкаго смысла житейской морали.

Но, выставивъ на видъ, въ какой просакъ можетъ быть поставленъ писатель, если онъ, ограничивши свое творчество очень узкимъ кружкомъ, возьмется за сюжетъ, содержаніе котораго обнимаетъ жизнь неизмѣримо шире и глубже, а спѣшу предупредить читателя, что это справедливо только по отношенію къ драмѣ «Не такъ живи, какъ хочется»; въ другихъ же своихъ комедіяхъ и драмахъ г. Островскій стоитъ на твердой почвѣ, потому что онъ избираетъ сюжеты, которые вполне соответствуютъ тому ограниченію, которое онъ для себя избралъ. Это ограниченіе принесло даже свои выгоды писателю: отиѣривши себѣ небольшой уголокъ жизни, писатель могъ изучить этотъ уголокъ гораздо добросовѣстнѣе и тщательнѣе, чѣмъ еслибы онъ изучалъ сразу всю жизнь во всей ея сложности. Вслѣдствіе этого г. Островскій успѣлъ въ своемъ кружкѣ сдѣлать такіа обобщенія, до которыхъ немногимъ удавалось доходить изъ нашихъ народныхъ писателей. Всѣ сюжеты драмъ его представляютъ не конкретныя случайности, а общія явленія купеческой жизни на Руси; личности, выводимыя имъ на сцену, не проста фотографія отдѣльныхъ людей: — это типы, вмѣщающіе въ себѣ цѣлый рядъ людей, того или другаго рода. Прочтите вы, напримѣръ, «Грозу»; не говоря о цѣломъ сюжетѣ, который такъ и напоминаетъ вамъ народныя пѣсни о заѣданія невѣстушекъ свекровями, ни одной сцены нѣтъ конкретной, случайной,

которая не вивавала бы въ васъ цѣлаго ряда воспоминаній о чемъ-то подобномъ. Вотъ поэтому комедія г. Островскаго и ваяутся вамъ народнѣе всѣхъ другихъ произведеній въ народномъ духѣ.

Этой степени народности единственно только и можно опредѣлить значеніе художественнаго факта. Въ этомъ отношеніи актъ художественнаго творчества ни можемъ сравнить съ танкъ автоматъ, который, повидимому, совершенно прогнвеположенъ ему; но только, повидимому, — имѣю съ автоматъ собиранія статистическихъ свѣдѣній. Когда выхъ знакомый говоритъ вамъ, что въ такой-то странѣ очень велика смертность и въ доказательство начнетъ вдругъ приводить такіе факты, что вотъ, молъ, въ такомъ-то домѣ умеръ человекъ, въ такомъ-то умерло 2, въ третьемъ 3, и этимъ ограничатся всѣ его доказательства, ни имѣете полное право усомниться въ его предположеніи относительно общей смертности въ странѣ. Я вижу только, что въ тѣхъ трехъ домахъ, о которыхъ говоритъ пріятель, дѣйствительно смертность велика, но и то можетъ быть въ данный только моментъ совершенно случайно; но могу ли въ этихъ конкретныхъ фактовъ заключить объ общей смертности? Что же долженъ сдѣлать статистикъ, чтобы убѣдить меня въ своемъ предположеніи? Очевидно, онъ долженъ представить мнѣ общую цифру смертности всей страны, и тогда, по сравненіи этой цифры съ такими же цифрами въ прежнее время и въ другихъ странахъ, я могу вывести правильное заключеніе о смертности въ странѣ. То же самое можно примѣнить буквально и къ художнику: когда онъ имѣетъ дѣло съ какою-нибудь общею причиною, онъ не долженъ забывать того, что такая общая причина непременно вліяетъ на всю массу жизни и производитъ бездну фактовъ, которые, несмотря на все конкретное разнообразіе, однородны, потому что происходятъ отъ одной причины. Писатель долженъ обобщать всѣ эти факты; онъ долженъ представлять мнѣ живой образъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивались бы отдѣльные факты, происходяшіе отъ общей причины. Такой образъ произведетъ на меня совершенно иное впечатлѣніе; у меня не можетъ въ такомъ случаѣ закрасться и тѣни какаго-либо сомнѣнія: я вижу передъ собою явленіе, совершающееся на каждомъ шагѣ въ жизни, общее явленіе, и не могу же я подумать, что это общее явленіе жизни происходитъ отъ цѣлаго ряда какихъ нибудь ничтожныхъ случайностей. Почему провазодятъ такое сильное впечатлѣніе произведенія Гоголя, какъ не вслѣдствіе тѣхъ громаднхъ обобщеній, которыя сдѣлалъ онъ: его чиновники и помѣщики, это не случайно встрѣтившіеся съ нимъ отдѣльныя личности, съ которыхъ онъ списалъ портреты. Вы видите передъ собою рядъ типовъ, на каждомъ шагѣ встрѣчающихся въ жизни, и такова сила этихъ обобщеній, что несмотря на то, что Гоголь былъ далеко не такъ развитъ, чтобы осмыслить ихъ и подвести подъ законы и причины, они заставляютъ васъ невольно задумываться

самых надъ причинами таинъ явленій, именно потому что они всеобщы. Таковы и комедіи Островскаго. Поэтому же самому и трагедіи Шекспира представляются намъ вполне народными: онѣ представляютъ самыя широкія обобщенія англійской жизни своего времени. Но верхомъ народности въ поэзіи для насъ, все-таки останутся безыскусственныя народныя пѣсни: обобщенія ихъ до такой степени широки, что верѣдко въ одномъ образѣ, въ одномъ метрѣ — онѣ, какъ въ фокусѣ, соединяютъ жизнь, стремленія, характеръ цѣлой эпохи народной жизни. Изъ этого изъ всего ясно вытекаетъ, что только народная поэзія можетъ имѣть претензію быть истинно полезною для жизни. Какъ бы писатели ни распинались, подводи конкретныя факты подъ общія причины, произведенія ихъ все-таки останутся бездоказательны, они не будутъ производить никакого внушительнаго впечатлѣнія и будутъ имѣть интересъ чисто анекдотическій, то-есть будутъ служить художественными игрушками для безцѣльнаго наслажденія, совершенно въ духѣ искусства ради искусства. Если же поэту удастся обобщить жизнь народа, то-есть сдѣлаться народнымъ, то даже въ такомъ случаѣ, если онъ будетъ далеко неразвѣтъ на столько, чтобы подвести свои обобщенія подъ причины и слѣдствія, произведенія его будутъ полезны для меня: они поразятъ меня общностью явленій, выраженныхъ въ нихъ, заставятъ невольно призадуматься надъ такими явленіями, и я самъ выведу причины и слѣдствія, можетъ быть такия, о какихъ и не думалъ писатель, когда писалъ свои произведенія.

VII.

До сихъ поръ мы говорили о содержаніи художественной литературы, о сущности ея; теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о другой ея сторонѣ, внѣшней, формальной. Въ то время, какъ въ предшествующія эпохи нашей литературы эту сторону ставили на первый планъ, видѣли въ ней верѣдко единственную сущность искусства, въ послѣдніе 10 лѣтъ, по естественной реакціи, начали совершенно пренебрегать ею. Составилось мнѣніе, что главная сущность произведенія заключается въ здоровой, свѣтлой идеѣ, а какъ будетъ проведена она — это рѣшительно все равно; хотя бы форма и нигуда не годилась, идея все-таки подѣйствуетъ. Съ точки зрѣнія подобнаго мнѣнія, очевидно, можетъ представиться излишнею роскошью требовать, чтобы произведеніе поэта, будучи народнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, было народнымъ и по формѣ. Въ сущности же, если мы рассмотримъ внимательно, что зависитъ отъ этого требованія, мы увидимъ, что оно не роскошь, что оно не менѣе важно, чѣмъ и другія требованія.

Хотя мы и пренебрегаемъ внѣшними формами искусства, однакоже, мы требуемъ, чтобы писатели наши писали на русскомъ языкѣ, а не пофранцузски или понѣмецки. Но вѣдь языкъ есть тоже ничего болѣе, какъ внѣшняя форма рѣчи. Не все ли

равно, на какомъ языкѣ ни напишетъ писатель свое произведе-
ніе, лишь бы онъ провелъ железную для насъ идею. Да, для
Пьерра, для Жана это все равно: они знаютъ всѣ европейскіе
языки и могли бы наслаждаться «Мертвыми душами» и въ
такомъ случаѣ, еслибы Гоголь написалъ ихъ поанглійски. Я
убѣждаю въ томъ, что въ Россіи есть люди, которые впервые
читали Гоголя во французскомъ его переводѣ. Но все ли это
равно для Ивана, для котораго русскій языкъ единственная форма,
въ которой понятна для него человѣческая рѣчь? А такъжъ Иа-
новъ большинство. Для нихъ-то и существуетъ русская литера-
тура; и она есть полное ихъ достоиніе, какъ мы говорили въ началѣ
статьи. Наука, занимаясь открытіями въ природѣ новыхъ пред-
метовъ, для которыхъ не существуетъ соотвѣствующихъ словъ въ
языкѣ, поставлена въ печальную необходимость ежедневно изобрѣ-
тать свои новыя слова и вводить ихъ терминами, которые дѣ-
лаютъ ее доступною только для немногихъ адептовъ, знающихъ
ея языкъ. Но если мы прощаемъ ученому, когда онъ издастъ
книгу, хотя и на русскомъ языкѣ, но въ которой для насъ
нѣтъ возможности понять ни одной фразы, то мы не простимъ
уже этого популяризатору, который вздумаетъ угостить насъ та-
кимъ же языкомъ. Еще болѣе посмѣемся мы надъ безуміемъ
популяризатора, если онъ такимъ же языкомъ напишетъ книгу,
предназначенную для всего народа. Чтѣ же сказать о худо-
жественной литературѣ, этой популяризаціи всѣхъ монуляри-
зацій, цѣль которой объяснять народу его жизнь, просвѣтъ
въ немъ сознание его истинныхъ потребностей, возбуждать въ
немъ хорошіе нравственные инстинкты и открывать мрачныя
стороны его жизни—и вдругъ такая литература будетъ гово-
рить языкомъ, понятнымъ только для немощныхъ? Такая лите-
ратура мало того, что бесполезна, она преступна и безче-
стна совершенно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ можно на-
звать поступокъ мой, если я на деньги, порученныя мнѣ въ-
сколькими знакомыми для покупки имѣ чая, купить бы вдругъ
табаку, пригоднаго для одного меня.

Но требованіе, чтобы художественная литература употре-
бляла языкъ, доступный для всѣхъ, т.-е. избѣгала бы иностран-
ныхъ словъ, отвлеченныхъ, туманныхъ выраженій и ученыхъ
терминовъ, которыми такъ богатъ нашъ литературный языкъ,
еще не обнимаетъ всего вопроса о формѣ. Это требованіе
касается одного состава языка; но есть еще другая сторона
языка—его строй, т.-е. формы рѣчи, въ которыя складываются
слова въ языкѣ, и формы поэтическихъ произведеній, въ которыя
складывается рѣчь. Для того, чтобы поэтическія произведенія
были доступны для всѣхъ, необходимо, чтобы они писались на-
родною рѣчью и складывались въ народныя формы. Читатель
подумаетъ, быть можетъ, что здѣсь дѣло идетъ о тѣхъ подра-
жаніяхъ простонародному языку, которыя такъ противны въ въ-
которыхъ книжонкахъ, издаваемыхъ для народа? Или уже не ста-

вится ли здѣсь русскимъ писателямъ въ обязанность подражать народнымъ пѣснямъ, былиннымъ и сказкамъ? Ни чуть не бывало. Здѣсь идетъ рѣчь только о томъ примѣненіи всеобщаго закона относительно формъ поэзіи, который наблюдается во всѣхъ литературахъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Изучая исторію возмѣненія и паденія разныхъ формъ искусства, мы видимъ, что формы не суть что-либо опредѣленное, неизмѣнное, для всѣхъ одинаково доступное. Онѣ суть созданія тѣхъ или другихъ особенностей одного какого-либо народа, и при этомъ еще народа въ данную эпоху. Онѣ служатъ обыкновенно выраженіемъ своей народности, своей эпохи, и такъ же неуклюже примѣняются къ другой эпохи или народности, какъ гипсовый слѣпокъ съ одного лица не прилаживается на другое. Попробуйте выразить грусть простаго русскаго человѣка, и вы увидите, въ какой формѣ это вамъ удастся—въ формѣ итальянскаго сонета или думы Кольцова. Была такая эпоха въ жизни народа, когда онъ не иначе могъ выразить впечатлѣнія своей жизни, какъ въ формѣ былинъ или сказокъ; это время прошло, народъ начинаетъ забывать самны былинныя и, очевидно, было бы верхомъ натянутости и неуклюжести изображать что либо изъ современной намъ жизни въ формѣ былинныя. Это значило бы возвратиться ко временамъ ложнаго классицизма, когда людямъ казалось, что поэзія можетъ существовать только въ неизмѣнныхъ формахъ древне-классическаго искусства. Вслѣдствіе вышеупомянутаго закона предоставляется полная свобода создавать свою особенную форму литературы не только каждому народу, времени, но и каждому поэту, соответственно потребности, чтобы форма вполне выражала содержаніе. Но тѣмъ не менѣе, только тотъ поэтъ можетъ быть названъ вполне народнымъ, который сумѣетъ выразить свои впечатлѣнія въ такихъ формахъ, въ какихъ они будутъ всего болѣе понятны для большинства в всего болѣе подѣбствуютъ на него. Опредѣлить въ точности, каковы должны быть эти формы, такъ же трудно, какъ трудно опредѣлять неуклонныя черты, отличающія одну фязіономію отъ другой. Возьмите вы, напримѣръ, произведенія Кольцова или Шевченки, вы увидите, что она отличаются рѣзко по своей формѣ отъ всѣхъ словозапіяній нашихъ лириковъ, въ родѣ, напримѣръ, Полонскаго или Фета. Опредѣлить въ точности сущность этого отличія—нѣтъ никакой возможности, и мы можемъ судить о немъ только по послѣдствіямъ, которыя производятъ тѣ или другія произведенія: одни пойметъ каждый простиодіантъ, въ другихъ же в образованнѣйшія чело-вѣкъ нескоро доберется смыслу. Но много ли у насъ такихъ произведеній, которыя писались бы въ такихъ формахъ, что для всѣхъ были бы понятны? Напротивъ того, наши литераторы очень часто поставляютъ себѣ какъ будто задачей выразаться какъ можно кричловатѣе, затѣйливѣе и темнѣе; они думаютъ, что въ этомъ-то и есть вся суть поэзіи. Конечно, языкъ боговъ не долженъ быть понятенъ для простыхъ смертныхъ. Другое

дѣло было бы, еслибы къ этому вынуждала нашихъ поэтовъ и балетристовъ печальная необходимость, еслибы идеи ихъ были бы до такой степени глубоки, всеобъемлющи, новы, что ихъ трудно было бы исполнѣ ясно выразить въ простыхъ формахъ нашего языка. Но въ томъ-то и дѣло, что большинство нашихъ балетристовъ и поэтовъ страдаетъ самымъ жалкимъ убожествомъ идей. Міросоверщаніе ихъ очень мало возвышается надъ уровнемъ обыкновенныхъ грамотныхъ идей. И если поэтъ съ такимъ широкимъ и глубокимъ міросоверщаніемъ, каковъ былъ Шевченко, могъ свои идеи выразить просто и общедоступно, то что же остается сказать о нашихъ поэтахъ, которые свои обиденныя и обиденныя мншенія не могутъ выразить такъ, чтобы имъ можно было понимать всѣмъ и каждому? Главною виною служатъ тутъ тѣ риторическія, рутинныя витіеватыя тропи и фигуры, которыя почему-то считаются у насъ верхомъ художественной красоты и изящества. Сказать просто *родина* — такъ можно: это прозаически и безцвѣтно; нашъ поэтъ заигать непременно какіе нибудь *берега отчизны*, и думать, что это туманное, бессмысленное выраженіе выше, поэтичнѣе. Возьмите, напримеръ, Полонскаго: онъ написалъ стихотвореніе *Вильна*, и этимъ стихотвореніемъ доказалъ, что онъ можетъ писать простою народною рѣчью. И этотъ же самый Полонскій большую часть своей поэтической дѣятельности посвящаетъ на отысканіе такихъ штукъ:

Мнѣ не далъ Богъ бича сатиры;
 Моя душевная гроза
 Едва слышна въ аккордахъ лиры
 Едва видна моя слеза.
До мнѣ видныя прилетаютъ (?!),
 Мнѣ звѣзды шлютъ нѣмой призывъ,
 И мнѣ немногіе внимають,
 И для немногихъ я поэтъ.

Да, г. Полонскій, дѣйствительно, для немногихъ поэтъ, не потому, что Богъ не далъ ему какой-то плетки, а потому, что онъ говоритъ языкомъ, ни для кого непонятнымъ; онъ правъ, говоря, что *слышишь слово его не слушаютъ народы* — еще бы, когда выслушавъ того, чтобы заговорить простымъ языкомъ простымъ смертнымъ объ ихъ простыхъ интересахъ, поэтъ бредеть о какихъ-то аккордахъ лиры, которую никто изъ насъ, и даже самъ поэтъ не видалъ въ глаза, какая она такая; о какихъ-то видѣніяхъ, которыя никогда къ нему на самомъ дѣлѣ не прилетаютъ, если только онъ не боленъ въ бѣлой горячкѣ; далѣе поэтъ въ своемъ стихотвореніи доходитъ до такого наступленія, что простираетъ трепетныя объятія въ воздухъ и внемлетъ, какъ въ области внѣнаго разума какая-то живая любовь торжественно поетъ живяніе о жизни. Въ «Бѣгломъ» вы не увидите ничего такого, что г. Полонскому кажется непремѣнною принадлежностью поэзіи; «Бѣглаго» могутъ внимать народы и понимать всѣ, и въ «Бѣгломъ»

неизмѣримо болѣе истинной, живой, свѣжей поэзіи, чѣмъ во всѣхъ прочихъ галлюцинаціяхъ г. Полонскаго, взятыхъ вмѣстѣ.

VIII.

Виставляя такія требованія отъ литературы, вполне естественныя и справедливыя, я нисколько этимъ не отрицаю тѣхъ художественныхъ произведеній, которыя ищутся исключительно для одного образованнаго меньшинства, если только они полезны этому меньшинству. Я нисколько не думаю, чтобы это меньшинство было на столько уже образовано, чтобы ему нечему было учиться, или чтобы жизнь его была вполне и со всѣхъ сторонъ исчерпана литературой. Все, что дѣлается въ жизни полезнаго, хотя бы для одного человѣка, есть уже полезное и достойно уваженія. Мы требуемъ отъ человѣка, чтобы онъ посвящалъ свою дѣятельность на общую пользу всему своему краю, но тѣмъ не менѣе всякій добрый поступокъ его, оказанный одному ближнему, внушаетъ намъ уваженіе къ человѣку. Такъ точно мы требуемъ, чтобы литература стремилась сдѣлаться всеобщей, полезною для всѣхъ нашихъ соотечественниковъ; если только она хочетъ, чтобы не были признаны лицемерными заявленія ея о томъ, что для нея дороги интересы, нужды, радости и страданія народа, она должна посвятить развитію этого народа лучшія свои силы, а не оставлять народъ на жертву разнымъ бездарнымъ писакъ и спекуляторовъ, издающихъ такъ-называемыя книги для народа; но если взять во вниманіе все прошлое нашей литературы, то мы не должны забывать, что литература можетъ къ этому только стремиться и медленнымъ путемъ изученія достигать этого стремленія. На этомъ долгомъ пути ничто ей не мѣшаетъ быть полезною и для того меньшинства, для котораго она до сихъ поръ служила. Впрочемъ, самая лучшая польза, которую она можетъ оказывать этому меньшинству, заключается опять-таки въ стремленіи ея къ народности; потому что этимъ путемъ она ведетъ за собою это меньшинство отъ его изолированной, замкнутой жизни во всеобщую жизнь края, посвящая его въ интересы всего народа. Въ заключеніе спѣшу прибавить то, что всѣ наши стремленія къ народности въ литературѣ служатъ только прелюдіями къ тому движенію въ этомъ духѣ, которое должно послѣдовать, когда народныя массы, призванныя къ политической жизни реформами послѣднаго десятилѣтія, дѣйствительно выступаютъ на поприще этой жизни и когда изъ самой массы народа явятся пѣвцы ея нуждъ, стремленій, радостей и страданій. Въ этомъ отношеніи, къ какому бы широкому обобщеніямъ ни приводили *наблюденія* надъ жизнью народа, но еще успѣшнѣе пойдетъ это дѣло, когда къ наблюденіямъ присоединятся *опыты*, и притомъ личные опыты людей, которые сами живутъ жизнью, изображаемою ими.

Читателю покажутся, можетъ быть, слишкомъ кратки и бѣгли нѣкоторые характеристики писателей, произведенія которыхъ я разбираю въ этой статьѣ. О многихъ народныхъ писателяхъ не было мною сказано ни слова; но цѣль моей статьи не двойной разборъ всѣхъ народныхъ писателей вашихъ, а выставленіе тѣхъ общихъ положеній, на основаніи которыхъ, по моему убѣжденію, слѣдуетъ оцѣнивать произведенія этого рода. Затѣмъ, при удобныхъ случаяхъ, можно будетъ представлять болѣе полныя и подробныя характеристики, какъ отдѣльныхъ произведеній, такъ и всей дѣятельности того или другаго писателя, пишущаго о народѣ. Такъ, напримѣръ, основываясь на положеніяхъ, высказанныхъ въ этой статьѣ, я попробую разобрать, въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ, рассказы г-жи Марка-Вовча по случаю выхода новаго изданія ея сочиненій.

А. Славичевскій.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. *Опытъ педагогической антропологии.* Константина Ушинскаго. Томъ первый. С.-Петербургъ. 1868 г.

Было время (приблизительно въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ), когда вопросы воспитанія живо заинтересовали собой русское общество, и имъ посвящено было, кромѣ отдѣльныхъ статей въ литературныхъ журналахъ, нѣсколько специальныхъ педагогическихъ изданій. Время это миновало довольно скоро, почти на нашихъ глазахъ, и педагогическіе журналы перелопались одинъ за другимъ съ поразительною быстротою, такъ что теперь «Педагогическій Сборникъ» г. Веселя является единственнымъ скуднымъ остаткомъ отъ недавно-обильной педагогической трапезы, единственнымъ, такъ-сказать, педагогическимъ ракомъ на педагогическомъ безрыбьи..... Въ послѣдній разъ прежній энтузіазмъ проявился, кажется, по вопросу о классическомъ и реальномъ образованіи; но съ тѣхъ поръ, какъ въ Москвѣ было убѣдительно доказано, что классикамъ есть та самая алхимическая панацея, которая можетъ излѣчивать всѣ личныя и общественныя недуги людей, а реализмъ, чуть не синонимъ измѣны — педагогическіе дебаты слѣдлись совершенно невозможными, и самыя толки о гуманности въ обращеніи съ воспитанниками, о новыхъ лучшихъ мето-